

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

ФРАНК ТИЛЬЕ

ШАРКО

«Шарко» Франка Тилье —
один из лучших триллеров года.

Карина Вайлдер.
Le Journal de Québec

18+

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Звезды мирового детектива

Франк Тилье

Шарко

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Тилье Ф.

Шарко / Ф. Тилье — «Азбука-Аттикус», 2017 — (Звезды
мирового детектива)

ISBN 978-5-389-15950-1

Шарко всегда сравнивал первые дни расследования с началом охоты. Сыщики – это свора гончих, устремившихся в погоню за дичью. С той разницей, что на этот раз дичью оказались именно они, Люси Энебель и Франк Шарко, полицейские с Набережной Орфевр, 36. На кону стояло само существование их семьи, благополучие их маленьких сыновей. В подвале дома, затерянного в южном пригороде Парижа, Люси, сражаясь за собственную жизнь, застрелила преступника-маньяка. Подоспевший ей на помощь Франк Шарко уничтожил улики, стремясь защитить Люси. Расследование этого убийства поручено комиссару Шарко и его группе. Но это мутное дело способно, как карточный домик, разрушить союз Люси и Франка, подорвав саму его основу. Впервые на русском!

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-15950-1

© Тилье Ф., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Пролог	6
1	9
2	13
3	16
4	17
5	19
6	20
7	24
8	26
9	28
10	31
11	34
12	37
13	40
14	45
15	48
16	50
17	53
18	55
19	59
20	63
21	68
22	70
23	72
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Франк Тилье Шарко

Franck Thilliez

SHARKO

Copyright © 2017, Fleuve Editions,

Département d'Univers Poche

© Р. К. Генкина, перевод, 2018

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2018

Издательство АЗБУКА®

* * *

Пролог

«Океанополис»¹ в Бресте, март 2015 года

Человек нашел своего кумира среди хищников: акула – поразительный результат безупречной эволюции, над которым природа трудилась миллионы лет. Машина с бесчисленными рядами зубов и идеальными аэродинамическими очертаниями, способная учуять капелюк крови, растворенную в олимпийском бассейне. Генератор страха.

Страх... Он тоже исходил из глубины веков и стоял на страже выживания видов. И в этот самый момент он схватил за горло юного Лукаса, смешного человечка, стоящего под огромными бело-серыми брюхами, которые скользили над его головой. Столь всеобъемлющий страх он испытал впервые – словно крошечные лучники натянули каждый его мускул, призывая немедленно дать стрелача. Даже защищенный акриловым оргстеклом толщиной более двадцати сантиметров, ребенок жался к ноге отца, в котором детский страх давно сменился тягой к исследованию корней зла.

Как и другие посетители с ним рядом, Филипп любил бросать вызов морским чудовищам, пребывая в безопасности на одном из главных аттракционов аквариума «Океанополиса». Именно поэтому он приблизил лицо вплотную к стеклу, и его взгляд погружался в холодные глаза акулы-зебры, акулы-быка, рыбы-молота и тигровой акулы. Последняя производила особенно сильное впечатление. Конечно, эта акула не была той «большой белой», которую прославил Спилберг, но ничем ей не уступала: четыре метра, пятьсот килограммов, сотни загнутых зубов, способных разорвать на куски любого человека.

В толпе раздались возгласы, когда череда пузырьков нарушила демонстративный покой огромного аквариума. Как раз ради *этого* они все и собрались здесь: пережить опосредованный страх. Дьявольский прыжок в великое чувство опасности.

В глубине бассейна появилась фигура аквалангиста, лавирующего между скалами. С медленным взмахом ласт он приблизился к стеклу, дружески приветствовал публику и нажал на кнопку циферблата, закрепленного на запястье. Филипп узнал аппарат, который используют для измерения сердечного ритма. Человек-лягушка начал собирать зубы, валяющиеся на дне, под внимательным взглядом коллеги, чья тень едва угадывалась на поверхности бассейна, шесть метров выше. Подстраховывает коллегу. На всякий случай.

Лукас крепче вцепился в отцовскую ногу:

– Он с ума сошел! Они его съедят!

Филипп не поддался – ложная тревога, приведшая сына в ужас, забавляла его. Он знал, что хищники накормлены и не проявят никакой агрессивности к знакомому служителю. С чего дрожать? В сущности, грустное зрелище этот аквалангист, плавающий рядом с сытыми акулами, большинство которых не представляют ни малейшей угрозы.

Он незаметно оглядел стоящих рядом посетителей. Зачем все они собрались здесь и пялятся на то, как человек в смешном костюме собирает дурацкие куски зубной эмали? Не питают ли они, как и он сам, надежду, что произойдет *нечто*? Хотя по большому счету хищники всего лишь красовались в аквариуме.

Почувствовав легкий укол стыда, Филипп взял сына за руку:

– Пошли. Съедем по мороженому.

¹ «Океанополис» – научно-развлекательный центр, посвященный океану, открылся в 1990 г. в городе Бресте (Франция). В каждом из пяти десятков аквариумов воссоздана экосистема, соответствующая трем климатическим зонам: умеренной, полярной и тропической. В тропическом павильоне можно наблюдать стаи акул. – *Примеч. перев.*

Лукас горячо поддержал предложение. В семь лет ему неизмеримо больше нравились шарики ванильного, чем акулы. Не успели они отойти и на три шага, как в толпе раздался новый крик:

– Нож!

Филипп обернулся. Кричала женщина, всем телом прилипшая к прозрачной перегородке. Вокруг начали привставать на цыпочки, чтобы лучше разглядеть. Что происходит? Молодой человек с сыном стали проталкиваться к своему прежнему месту, но его уже заняли. Стоя в глубине бассейна, аквалангист достал из чехла, закрепленного на бедре, нож с зазубренным лезвием. Станный жест, вызвавший беспокойство у его коллеги наверху, остававшегося в полной безопасности по другую сторону стеклянных стен.

Может, это был какой-то цирковой номер? Профессионал стоял на месте, не сводя глаз с цифр, высвечивающихся на его часах, и не выпуская из рук ножа, в то время как огромные рыбины не выказывали никаких признаков агрессивности. Каскад пузырьков, вырывающихся из клапана через равные промежутки времени, свидетельствовал об отсутствии паники. Лукас дергал отца за руку, требуя, чтобы они ушли, но Филипп не поддавался. Синие глаза аквалангиста, увеличенные стеклом маски и прозрачными стенами, приковывали его к себе: в них отражалась глубокая умиротворенность.

Затем, все с той же изысканной медлительностью, служитель снял перчатку с левой руки и глубоко рассек себе ладонь. Алые завитки заколыхались в воде. С этой секунды в толпе раздалась по-настоящему тревожные крики и недоверчивые возгласы: «Это что, трюк?» или «Он и правда поранился?». Вокруг Филиппа и его сына, прижатых к стеклу, нарастало напряжение. Ребенок плакал. Люди сбились в кучу, вновь прибывшие – те, что прибежали из соседнего зала, – тоже требовали свой кусок пирога. Какую-то женщину сдавили, она почувствовала себя плохо и принялась ругать всех, кто напирал на нее сзади. Толпа разомкнулась, давая ей выйти.

Пульсирующий сигнал в голове Филиппа настоятельно требовал бежать, прежде чем будет пройдена точка невозврата, но иная сила, вобравшая в себя куда более мощные примитивные инстинкты, парализовала его. Человек с окровавленной рукой, акулы вокруг: он должен был понимать, что за этим последует. Аквалангист успокоил их однозначным жестом, сведя в кружок указательный и большой пальцы. Все хорошо, он знает, что делает, никакой опасности.

Акулы явно заволновались. Их черные тени стали еще четче в свете, бьющем со дна аквариума. Филиппа удивило их число: с момента прихода он насчитал пять или шесть акул, но сейчас около дюжины плавали в сжавшемся пространстве вертикального столба над аквалангистом, как будто стены бассейна сдвинулись.

Подросток справа от Лукаса увековечивал каждый момент на своем телефоне. Две-три палки для селфи взмыли над толпой, как перископ любознательного мозга, обеспечивая всему миру возможность насладиться странным зрелищем. Мания все снимать. Очевидно, не пройдет и часа, как все будет выложено в Интернет и соберет кучу просмотров.

– Отойдите! Отойдите!

Человек в шортах и сандалиях, с переговорным устройством в руке, стремительно пробился сквозь скопление людей. На его белой футболке болтался бейджик с логотипом аквариума – изображением дельфина. С напряженным лицом он встал перед стеклянной стеной и произвел руками несколько пассивных жестов. Не требовалось быть специалистом, чтобы понять: он приказывал служителю незамедлительно подняться на поверхность.

Но тот покачал головой, решительно отказываясь двинуться с места. Еще раз он просигнализировал, что ситуация под контролем, и перевел взгляд на свой измеритель сердечного ритма.

Первой решила исследовать источник крови акула-зебра. Волна, поднятая ее стремительным движением, нарушила равновесие аквалангиста, который снял ласты и укрепился на дне, встав на колени. Кровь продолжала струиться из его раны. Перемещения акул становились все

более хаотичными, их силуэты скручивались по спирали, круглые белые, почти слепые, глаза металась из стороны в сторону.

Крики: «Вытащите его оттуда!» и «Сделайте что-нибудь, они его сожрут!» – множилось, но никто не покидал наблюдательного поста. Зал был уже переполнен, даже боковые входы и выходы оказались забиты. Филипп обнял сына и прижал к себе, развернув лицом к толпе. Если суждено случиться трагедии, главное – чтобы Лукас этого не увидел.

Работник бассейна рядом с ними, очевидно местный начальник, наговаривал приказы в переговорное устройство. Потом поднял глаза. Дождь из рыбьих голов, кальмаров и потрохов хлынул с поверхности воды. Служащие там, наверху, выворачивали ведра с кормом в надежде отвлечь внимание акул, притупить их сверхтонкое обоняние. Остекленевшие глаза бывшей дорады скользнули вдоль стеклянной перегородки. Посетители начали действительно осознавать, что именно происходило у них на глазах: обезумевший человек и впрямь рисковал быть разорванным на куски.

Корм ничего не изменил: в бассейне воцарилось чисто животное безумие, словно зараза передалась от человеческой крови, теплой и одуряюще пахнувшей. Животные отнюдь не растеряли свои охотничьи инстинкты, обеспечившие выживание, – те же примитивные инстинкты, которые заставляют акул-быков пожирать друг друга в материнской матке, чтобы на свет появился только сильнейший.

И сильнейший властвовал там, в бассейне, а в глубине его рептильного мозга² гнездилась память каннибала. Пожирать, чтобы выжить. Пожирать во имя размножения и существования вида. Пожирать – потому что таков инстинкт, заложенный в генах любых живых существ.

Тигровая акула предприняла первую атаку. Она лишь коснулась жертвы и внезапно свернула, чтобы начисто оторвать раненую руку. Маска аквалангиста исчезла за пузырьками боли, и с этой секунды он начал биться, пытаясь всплыть на поверхность, как если бы только сейчас осознал неминуемость смерти. Он проплыл три метра по вертикали, потом его дернули влево челюсти, сомкнувшиеся на икре.

Остальное стало просто резней.

Жестокая кровожадность акул потрясла скучившихся зевак. Крики, слезы, обмороки. Те, кто находился в первых рядах, рвались убежать, как если бы монстры могли разбить стекло и разорвать их тоже, но напиравшие сзади, которые ничего не видели, стояли стеной. Захваченные волной зрителей, Филипп и Лукас оказались стиснутыми без всякой надежды выбраться. Мальчик увидел, как прямо перед ним проплыл неопределенный ботинок вместе с оторванной ногой внутри.

Когда зал наконец удалось освободить от людей, в аквариуме остались только желтый кислородный баллон аквалангиста, зарывшийся в песчаное дно недалеко от его головы, и хоро-вод обрывков плоти, повисший в едва замутненной воде. Шесть литров крови, которую должно было содержать тело весом в семьдесят два кило, растворенные в воде аквариума, невозможно было даже различить. Отряд акул снова завел свой спокойный танец, их наиболее насытившиеся товарки укрылись где-то в углу, за скалами. Для них – обычный день, сдобренный небольшой добавкой.

Несмотря на психологическую травму, с которой Филиппу и Лукасу пришлось бороться в последовавшие недели, одна картина навсегда впечаталась в память отца: взгляд аквалангиста перед самой атакой «зубов моря»³.

В этом взгляде был вызов.

² *Рептильный мозг* – наиболее древняя часть мозга, управляющая базовым поведением и отвечающая за выживание вида.

³ «*Зубы моря*» – другое название романа Питера Бенчли и фильма Стивена Спилберга «Челюсти».

1

Атис-Мон, предместье Парижа.

Месяцев шесть спустя, сентябрь 2015 года

– Должна заметить, что твой дядя устроил себе кабинет под самой крышей, это была его территория, и я туда почти не заходила. Наверху стоит столько моделей самолетов, что нельзя повернуться, не раздавив одну из них. Для него только две вещи имели значение – работа и его самолеты, остальное в счет не шло.

Самолеты... В памяти Люси Энебель мозаикой всплыли картины из детства. Она была еще совсем маленькой, а Анатолий уже мастерил свои самолетик из бумаги, картона и даже из фанеры. Он приносил эти чудо-изделия на пляжи Северного департамента и запускал их с вершины дюн в Мало-ле-Бен, а племянница с соломенными хвостиками смотрела на них в полном восторге. Прошли годы. Тридцать лет спустя Анатолий умер – глубокой ночью у него случился сердечный приступ.

Режина протянула ей папку на резиночках. Если ее муж был плотно сбитым, то саму ее словно вытянули в длину, насадив сверху голову с высоким лбом и беспорядочными локонами. Она хромала и уже добрый десяток лет передвигалась тяжело и с палкой, что не мешало ей водить машину и шнырять по всему кварталу. Здесь все ее знали.

– То, что сейчас у тебя в руках, было спрятано в глубине запертого ящика в углу под самой крышей. Это касается его последнего дела, об исчезновении Летиции Шарлан, молодой женщины двадцати лет.

Люси никогда о такой не слышала. Маленький жилой квартал Атиса, где обосновались дядя и тетя, был всего в получасе езды от ее дома, но она редко навещала эту часть семейства. Близнецы, бешеный ритм в уголовной полиции на набережной Орфевр, ежедневные проблемы, требующие немедленного вмешательства... Она щелкнула резинками папки.

Внутри оказались штук двадцать ксерокопий полицейских протоколов, распечатки данных криминалистического учета, несколько страниц из уголовного дела и наваленные кучей фотографии. С тех, что лежали сверху, смотрела молодая метиска – о таких говорят «парень в юбке»: с сияющим лицом, черными волосами, курчавыми, как у барашка, в носу, – пирсинг, украшенный бриллиантом.

– Это она самая, исчезнувшая. Летиция Шарлан. Красотка, верно? А вон та бандитская рожа на других фотографиях, что внизу, – это Жюльен Рамирес.

Люси взгляделась в черты человека лет тридцати, с волнистыми каштановыми волосами и твердым худым лицом. Действительно бандитская рожа: выдающийся вперед и загнутый кверху подбородок, впалые щеки, из-за которых поджатые губы казались полнее, и в довершение – черные блестящие глаза выдры. В заведенном на него уголовном деле указывалось тюремное заключение во Флери⁴ с 2008 по 2012 год по обвинению в нападении, незаконном хранении оружия и попытке изнасилования. Прилагалась копия стенограммы судебного разбирательства, составленной секретарем суда во время процесса.

– Он живет на полдороге между Лонжюмо и Ла-Виль-дю-Буа, в доме на отшибе, чуть в стороне от Национальной 20, – продолжила тетя. – Знаешь, недалеко от телефонной вышки-ретранслятора, которая стоит у самой автострады. Отсюда не больше пятнадцати километров.

Режина взяла кусок синего силикона, который лежал на столе рядом с двумя чашками кофе, от которых поднимался легкий пар.

⁴ Флери Мерожис – самая большая тюрьма Европы. Расположена в пригороде Парижа.

– Где-то за неделю до смерти твоего дяди на его имя по почте пришел набор силикона. Анатолий объяснил мне, что заказал его по Интернету и что это для его моделей самолетов. Но он соврал.

Люси и сама увидела отпечаток ключа на одной из сторон силиконового куба. Тетя достала из кармана металлический предмет и вложила его в отпечаток:

– Силикон ему понадобился, чтобы сделать слепок с этого ключа. Квитанция на заказ в «Перекрестке» в Ла-Виль-дю-Буа была в той папке с резинками. Позавчера я пошла в торговый центр с этой бумажкой, в обмен на которую мне выдали вот этот ключ и вернули силикон. По их словам, Анатолий принес им слепок за три дня до своего инфаркта... Седьмого июля, если быть точным.

– Прошло два с половиной месяца.

– Да, уже. Анатолий не успел забрать ключ. Я боялась, что за столько времени все пропало, но тот парень, благослови его Господь, отложил ключ в сторонку. Он почти уверен, что речь идет о копии ключа от входной двери. И я тебя уверяю: твой дядя хотел залезть именно к Рамиресу. Не знаю, как он умудрился снять отпечаток с ключа этого субъекта. Может, обыскал его фургон или выдал себя за того, кем не был. В конце концов, Рамирес понятия не имел, что дядя следил за ним.

– Откуда ты знаешь, что этот дубликат именно... Рамиреса?

– Из-за фотографий там, под бумагами. Сама посмотри.

Все снимки, сделанные ночью, были плохого качества. Анатолий фотографировал без вспышки, спрятавшись, похоже, за деревьями. На глянцевого бумаге можно было различить фургончик, припаркованный так, что открытые задние дверцы находились не более чем в метре от входа в какое-то жилище. По всей видимости, вышеозначенный Рамирес перетаскивал мешки или тяжелые предметы из дома в машину.

– Это дом и строительный фургон Рамиреса. Дата на обороте фотографий означает, что они были сделаны за неделю до того, как твой дядя заказал дубликат ключа. В то время Анатолий уверял меня, что проводит время в бильярдном клубе. Дважды в неделю он возвращался около часа ночи. Но вчера, обнаружив все это, я поняла, что он мне врал. Он следил ночью за Рамиресом.

Люси отпила глоток кофе, сбивая с толку потоком разнообразных открытий, сделанных Режиной, которая позвонила ей накануне и попросила приехать, желая поделиться кое-какими неожиданно открывшимися обстоятельствами, связанными с Анатолием. Но представить, что это выльется в уголовное дело...

– Ты должна объяснить мне подробнее, тетя, а то я немного запуталась в этой истории. По всей видимости, речь идет об исчезновении. Жертва – Летиция Шарлан. Подозреваемый – Жюльен Рамирес. Но спрятанное досье, фотографии, ключ: дядя вел официальное расследование или нет?

– Поначалу официальное, но, судя по этой папке и ключу, я теперь понимаю, что он сказал мне не все и сам зашел куда дальше. Сейчас расскажу вкратце. Около четырех месяцев назад, в середине мая, Летиция Шарлан, которая больше десяти лет жила в приемной семье Верже, не вернулась из молодежного центра, где проводила вторую половину дня. Центр находится в трех-четыре километра отсюда. В комиссариат Атиса поступает заявление, и твой дядя вместе с коллегами начинает поиски в округе. Летиция неуравновешенна, она много раз грозила приемным родителям, что сбежит. Может, она у подружки, знакомых, на каком-нибудь сборище неподалеку? Но после трех дней бесплодных розысков было открыто дело об исчезновении, которое передали этой конторе по пропаже людей, у вас в Париже.

– Центральное бюро по розыску без вести пропавших.

– Да, точно, ЦБР. Ты лучше меня знаешь, сколько таких пропаж в год они расследуют, эти твои коллеги. Тысячи. Так что ее дело легло в общую стопку, они и задницу не оторвали,

чтобы найти Летицию. Она совершеннолетняя. Девчонка с Реюньона, брошенная еще в раннем детстве, которую потом мотали по разным семьям, пока не подыскали более-менее постоянную, к тому же она много раз грозилась все бросить и испариться... Как тут не подумать, что она действительно пустилась в бега?

Режина отпила глоток кофе.

– Анатоль просто места себе не находил от ярости. Он только что вышел на пенсию, но мы хорошо знали ее семью, они в той же ассоциации «Телетон»⁵, я и сейчас по несколько раз в неделю с ними там вижусь. Хорошие люди и до сих пор чувствуют свою ответственность за то, что случилось. Да я и сама ее любила, Летицию, хорошая была девочка. Короче, ты же знаешь своего дядю, у него за плечами было сорок лет службы, и он ненавидел проигрывать. К тому же он всегда говорил: не бывает, чтобы ты в одно мгновение из копа стал некопом только потому, что ушел на пенсию. Коп – он по гроб жизни коп...

В сорок два года Люси накопила *всего лишь* восемнадцать лет стажа, но у нее уже сложилось впечатление, что работа заразила все клеточки ее организма и заполонила все пространство личной жизни. Ее мозг наверняка приобрел форму пистолета. А жизнь с Франком Шарко, у которого на счетчике значилось двадцать семь лет в уголовной полиции, только усугубляла дело.

– Значит, дядя продолжил копать своими силами. Начал собственное расследование.

– Именно. Он гробил свои дни на расспросы соседей, действуя в одиночку. В конце концов его упорство вывело меня из себя, мы стали часто ссориться. Он же вышел на пенсию, которую вполне заслужил! И даже не успел ею воспользоваться.

Она вытащила бумажный платок из коробки и пролила несколько слез. Люси уже не помнила, в каком году они поженились, но с ранней юности всегда воспринимала их как нечто единое.

– Но его упорство в результате не пропало даром. Через три недели он нашел два разных свидетельских показания, доказывающих присутствие в деле серого строительного фургончика. За несколько дней до исчезновения Летиции его видели то на улице, соседней с домом ее приемной семьи, то неподалеку от молодежного центра. На кузове – большой логотип «ВАТИМАТ». Анатоль без труда нашел саму фирму, – оказалось, она принадлежит Жюльену Рамиресу, кустарю-предпринимателю, который специализировался на обновлении домов.

Она ткнула указательным пальцем в гляцевый снимок Рамиреса:

– И во всех случаях за рулем был он сам, Люси. Твой дядя, хоть и на пенсии, попросил коллегу из комиссариата поискать информацию, и тот выяснил, что Рамирес уже отсидел в тюрьме за нападение и попытку изнасилования с две тысячи восьмого по две тысячи двенадцатый. Тогда Анатоль немедленно известил о своей находке парижан, которые вели дело. Сама понимаешь, они были не в восторге от его ковбойских выходов... Не важно, зато Рамиреса допросили в качестве свидетеля. Но против него ничего не было, и его оставили в покое.

– А как он объяснил свое присутствие поблизости от местонахождения Летиции?

– На тот момент он ходил по домам, рекламируя свою фирму и раздавая визитки. Соседи смогли подтвердить. У Рамиреса не прослеживалось никаких связей с Летицией, никто никогда их вместе не видел. А главное, один клиент твердо заверил: в момент ее похищения Рамирес красил фасад в тридцати километрах от того места. Исходя из этого, твои парижские коллеги даже не стали проводить обыск и за Рамиресом ни разу не устанавливали слежку. Все это здорово подкосило Анатоля.

Со вздохом она вновь наполнила чашку Люси, та жестом поблагодарила.

⁵ «Телетон» (Téléthon) – популярнейший телемарафон, цель которого – привлечь средства к исследованиям в области лечения редких видов заболеваний.

– Я думала, он плюнул на все, смирился, пока не нашла эту папку и ключ. Увидишь, там есть даже копия выдержек из протокола уголовного процесса в две тысячи восьмом. Психиатрические экспертизы и все такое прочее. Я глянула, этот Рамирес больной на всю голову.

Люси вытащила толстую пачку листов:

– Исправительный суд города Бобиньи... Как он только раздобыл это досье?

– Представления не имею, я его вижу впервые, как и ты. Наверняка по знакомству, у него же была куча связей. Сама видишь, он из кожи вон лез ради Летиции, сидя в своем захолустье. А еще он установил слежку за Рамиресом, стараясь разобраться. Он мне говорил, что этот тип действовал не один... Что он, может быть, только следил за девчонкой, а сам в похищении участия не принимал. Что у него наверняка был сообщник.

Режина схватила ее правую руку и сжала в своих ладонях:

– Я отлично понимаю, что Летиция исчезла четыре месяца назад, но вдруг она еще жива, Люси. Может, эта сволочь держит ее в тайнике в своем подвале или еще где-то и кошмарно мучит. Мы тебя не часто видели, но дядя всегда питал к тебе слабость. Ты дочка его сестры, он заботился и о тебе, и о твоей матери, когда умер твой отец. И потом, он так гордился, что ты стала копом на Орфевр, 36⁶.

Она уставилась на Люси, не говоря больше ни слова.

– Тетя... Что именно ты хочешь, чтобы я сделала?

– Чтобы ты посмотрела, что он тут насобирал, и пришла к собственному мнению. И если ты почувствуешь, что тут есть с чем работать дальше, чтобы ты... ну, не знаю... начала серьезное расследование у себя в Управлении?

– Все гораздо сложнее, ты же знаешь.

– Да, да, но я потому и доверяю тебе это дело, что верю в тебя. Нельзя сознательно оставлять кого-то вроде Рамиреса на свободе. Твои коллеги из службы розыска пропавших не захотят больше и пальцем шевельнуть, но, поверь мне, если бы я могла сама надрать задницу этой мрази Рамиресу, я бы это сделала.

Люси на несколько секунд погрузилась в размышления.

– Никто не в курсе? Даже моя мать?

– Только мы вдвоем.

– Ты твердо уверена? Ни с кем из соседей не говорила? Или с друзьями из твоей ассоциации?

– Слово даю, что нет.

Люси твердо посмотрела тете в глаза. Потом допила свой кофе. Взяла папку и встала:

– Отлично, я просмотрю бумаги. Но ты не должна никому ничего говорить. Ни маме, ни, главное, Франку: пока что я не хочу, чтобы он вмешивался, он ведет серьезное дело. Это касается только нас, тебя и меня. Сумеешь придержать язык?

Тетя поднесла пальцы к губам, как если бы хотела их зашить. Потом встала, опираясь на палку, и обняла ее:

– Спасибо, Люси. Ты не изменилась. Я знала, что могу на тебя положиться.

⁶ *Набережная Орфевр, 36* (фр. *quai d'Orfèvre, 36*) – адрес Управления уголовной полиции в Париже.

2

Люси рассказывала «Трех поросят» с таким воодушевлением – и наверняка с некоторым избытком полицейской достоверности, – что две пары круглых, как блюдца, глаз смотрели на нее, не мигая, натянув одеяла до самого носа. Закончив, она закрыла сборник сказок и исполнила ритуал укладывания спать: поглаживания, поцелуйчики, ласковые слова и снова куча поцелуйчиков.

– Ну все, котята. До завтра.

Жюль настоял, чтобы она не выключала свет. Из пары близняшек он был более пугливым. Кстати, если его брат Адриен переносил первые дни в детском саду скорее неплохо, то Жюль проливал каждое утро потоки слез и превращал расставание в душераздирающую сцену прощания. Ему было очень трудно отрываться от матери, как и ей от него.

Люси присоединилась к Франку на кухне. Тот готовил себе термос с очень крепким кофе и, насвистывая, намазывал маслом половинку батона. На нем была самая парадная одежда: костюм угольно-черного цвета и полосатый галстук. Накануне после многомесячного расследования его бригада из Управления задержала подозреваемого в двойном убийстве. Для полицейских это было все равно что салют на Четырнадцатое июля⁷.

– Мне только что позвонил Маньен. Дюлак еще не раскололся, но с тем набором доказательств, который ему сунули под нос, скоро созреет. Вопрос трех-четырех часов.

Люси добавила маринованных огурчиков на его бутерброд – он их обожал, но вечно забывал положить – и завернула все в фольгу.

– Прижми этого урода, Франк. Чтоб мы хоть не зря работали.

– Его ждет самая роскошная ночь в его жизни. Пять звезд и все по заказу.

В нем по-прежнему пенилось и играло возбуждение – даже после стольких лет охоты на Зверя. В пятьдесят четыре года Франк Шарко продолжал «мести тротуары», несмотря на стареющие кости, неприглядность мест преступления и постоянное соприкосновение с нищетой и растущей жестокостью. Конечно, разные случались моменты, и он давно счет потерял тем случаям, когда по ночам принимал решение повесить перчатки на гвоздь, но стоило ему глянуть на сыновей или какому-нибудь типу подорваться вместе со своим шахидским поясом – и коп из Управления вновь бросался вперед с тем же ожесточением и красной пеленой в глазах, что и в свои двадцать лет.

Он взял оба мобильника – один личный, другой рабочий: и речи не могло быть о том, чтобы смешивать работу и семью. Люси проводила его до входной двери их маленького домика в местечке Со, к югу от Парижа. Уютное, приятное жилище, рассчитанное на самую что ни на есть размеренную жизнь вчетвером. И Управление не слишком близко, а должная дистанция совершенно необходима – лишняя предосторожность для защиты семейного очага от наносной грязи. Она поцеловала его и поправила ворот плаща. Дождя не обещали, но Шарко вел себя как шахматист: всегда хотел быть на ход впереди.

– Я сразу не лягу, – сказала Люси. – Посмотрю кино, почитаю. Пришли мне сообщение, когда Дюлак расколется. Хоть в два ночи. Я открою шампанское.

Шарко кивнул и впихнул свои широченные плечи в машину. Едва оставшись одна, Люси бросилась к телефону и, как и было договорено, набрала номер Джаи, их няни-филиппинки. В двадцать один сорок пять девушка была у них. Люси сбегала за своими бумагами и ключами от машины.

⁷ Четырнадцатое июля – День взятия Бастилии в 1789 г. – национальный праздник Франции.

– Они спят. Мобильник у меня с собой, звоните сразу, если что случится. Не знаю, когда вернусь, может, к полуночи или позже. И не забудьте: Франк не должен ничего знать, ладно? Если зазвонит городской телефон, не подходите.

– Можете на меня положиться.

Джая ответила заговорщицким тоном. Люси надела кобуру со своим девятимиллиметровым «зиг-зауэром» у нее на виду, чтобы та не вообразила ничего лишнего: если собираешься наставить рога своему сожителю, то вряд ли берешь с собой оружие, если только ты не полная извращенка. Потом накинула тонкую курточку и вышла.

По дороге она мысленно прокрутила последние дни. Пять из них она провела, тайком изучая комплект документов, собранных Анатодем перед смертью. Судя по написанным от руки заметкам дяди, Жюльен Рамирес был ночной бабочкой: часто возвращался глубокой ночью на своем мотоцикле или фургончике. Откуда? Это не уточнялось. Анатодем упоминал также молодую женщину, по виду из готов, которая время от времени оставалась у него на ночь. Подружка?

Субъект демонстрировал все признаки нестабильности. Его множество раз исключали из различных учебных заведений за то, что некоторых своих соучеников он доводил до больницы, а также за надругательство над могилами (это случилось в раннем отрочестве), принадлежность к группам сатанистов, жестокое обращение с животными... Приговор, отправивший его в тюрьму на пять лет, стал следствием жалобы, поступившей от девушки, которую он встретил на какой-то вечеринке. Люси прочла копии протоколов уголовного дела: Рамирес проводил ее до дому, чтобы выпить «по последней», и не больше. Попытка принуждения к физической близости. Девушка оказалась несговорчивой, он пригрозил ей пистолетом, привязал к стулу и ножом сделал разрез на плече, «чтобы пососать ее крови» – так значилось черным по белому в фотокопии. Жертве удалось вырваться, избежав тем самым изнасилования, а возможно, и убийства.

Судя по тем же протоколам и показаниям экспертов-психиатров, сменявших друг друга на свидетельском месте во время процесса, Рамирес десять лет назад провел некоторое время в психиатрическом госпитале в Палезо с диагнозом довольно редкого расстройства, называемого синдромом Ренфилда: поистине неодолимого влечения, которое пациент испытывает по отношению к крови. Рамирес попал в этот круговорот извращенной зависимости из-за ранения, полученного в подростковом возрасте. Именно тогда он осознал, что поглощение собственной крови приводит его в специфическое возбуждение. Эта странность сначала толкнула его к самовампиризму, что выражалось в нанесении себе ран, затем к зоофагии – он пил кровь животных, часто собак и кошек. В две тысячи шестом году, сразу после выхода из психбольницы и за два года до дела о попытке изнасилования, обвиняемый был задержан среди ночи в мясной лавке запустившим руку в морозильник.

Приятный типчик.

Среди прочих элементов расследования довольно часто встречались и упоминания о других настораживающих фактах, нацарапанные дядами каракулями на полях фотографий или фотокопий: «*Что он грузит в свой фургон?*», «*В подвале что-то происходит*», «*Похоже, из дома доносятся какие-то шумы*».

Что он имел в виду под «какими-то шумами»? В голове Люси медленно, но верно проклюнулась и пустила корни навязчивая идея: ей нужно во всем удостовериться самой, возможно, тоже услышать эти шумы, как следует осмотреться в том месте, где живет Рамирес. Если она убедится, что этот тип замешан в чем-то серьезном, то сама обратится в Центральное бюро, вручит им все собранные материалы, и пусть займутся. Но без доказательств они, скорее всего, и палец о палец не ударят, уж она-то знала.

Через полчаса пути Люси свернула с Национальной 20 и, следуя указаниям GPS-навигатора, двинулась в направлении Сольс-ле-Шартре. За день до этого она уже провела рекогнос-

цировку на местности. Чуть подалее стояла спутниковая вышка, рядом проходила узенькая дорога, справа – поля, слева – большая темная лесная полоса и высвеченное светом ее фар скопление домов, по большей части обветшалых и расписанных граффити. В первый раз она медленно проехала мимо своей цели, расположенной в отдалении от дороги. Безликий бетонный куб с плоской крышей из листового железа. Света нет, как вроде бы и мотоцикла под навесом, где, судя по фотографиям, субъект обычно ставил свой агрегат. А строительный фургончик и его «Ауди ТТ», наоборот, ночевали на своих местах.

Люси желала избежать любого риска, а значит, следовало увериться, что хозяин отсутствует. Поэтому она приступила к первой части своего плана: спустила переднее левое колесо, развернулась и припарковала машину на обочине, у дома. Потом пошла по потрескавшейся асфальтовой дорожке. По левую и правую сторону в садике буйно разрослись сорняки и крапива.

Она несколько раз позвонила в дверь, потом постучала. На долю секунды представила себя нос к носу с Рамиресом. Придется заявить, что проколола шину, и попросить помощи. Он пошлет ее куда подалее, но, по крайней мере, она будет знать, что он здесь, дома.

Ожидание, тревога. Ни одного лучика света. Никого.

Она крадучись обошла вокруг дома. Никакого шума. Дядя предпринял свое расследование два месяца назад, может, здесь уже не к чему прислушиваться и нечего искать, но Люси не хотелось на этом останавливаться. Тем более с ключом в кармане...

Она достала из-под сиденья насос для подкачки шин, привела в порядок колесо и отогнала машину подалее, метров на сто, чтоб не бросалась в глаза. Натянула кожаные перчатки, достала из кармана куртки черную шапочку и прикрыла свои длинные светлые волосы. Затаившись, подождала, пока проедет какая-то машина, и пошла к входной двери.

Открыв замок дубликатом ключа, она проникла внутрь, ощущая то покалывание в животе, которое предупреждает нас о том, что бездна близко, слишком близко: она совершала нечто абсолютно противозаконное, ставя под удар свою карьеру, а может, и жизнь. Но это было сильнее ее: она должна все узнать.

Тот факт, что она заперла за собой дверь, ничуть ее не успокоил, наоборот, у нее возникло ощущение, что она сама загнала себя в ловушку.

3

Она зажгла пальчиковый фонарик, и его луч высветил старые обои семидесятых годов, плитку прошлого века. Свисающие голые лампочки служили единственными осветительными приборами, а две-три фотографии Рамиреса, позирующего перед своим мощным мотоциклом «судзуки», – единственным украшением.

Люси никак не удавалось ни избавиться от давящего чувства, ни успокоить колотящееся сердце. Обычно ей нравилось это напряжение, волна схлынувшего страха, который сохранял жизнь любому полицейскому, вот только не сейчас. Что произойдет, если Рамирес неожиданно нагрянет и застанет ее? Она заглянула в гостиную. Протертые до голых ниток кресла, но новенький телевизор и отличное звуковое оборудование. Пустые банки из-под пива на столе, несколько рисунков: ящерицы, саламандры, какие-то склизкие создания... Если автор – Рамирес, ему нельзя отказать в определенном таланте.

На тщательный обыск времени не было. Она направилась в кухню. Переполненное помойное ведро, гора грязных кастрюль, стойкий запах прогорклой еды.

Мобильник звякнул, заставив ее подскочить, – эсэмэска от Шарко: «Ничего интересного: Дюлак раскололся еще до моего приезда! Выпьем по рюмке с Николая. Буду через час. Открой все же шампань».

У нее перехватило горло. Она живо представила, как Франк возвращается домой и видит Джаю. Через час, значит у нее не больше десяти минут на все дела здесь. Совершенно недостаточно, на ее взгляд.

Она двинулась вперед по коридору. Лестница на второй этаж. Слева туалет, справа – закрытая дверь. Она повернула ручку. В лицо ударил порыв ледяного воздуха. Пресловутый подвал. Влажные кирпичи, низкий потолок: необходимо пригнуться, чтобы влезть в эту дыру, и призвать на помощь изрядную долю мужества. Хотя Люси и навиделась всяких ужасов за свою жизнь, детский страх перед спуском в подzemелье глубокой ночью оставался испытанием, которое придется преозмочь.

Она начала спуск, приостанавливаясь на каждом шаге. На третьем долгий жалобный крик пронзил ее слух.

Жуткий и невообразимый крик младенца.

Оттуда, снизу, из мрака и холода.

4

Люси застыла на месте, отказываясь осознать, что она услышала. Далеко не с первой попытки она нащупала и вытащила свой «зиг-зауэр». Большим пальцем сняла с предохранителя и дослала патрон в ствол. Тяжесть оружия в руке не принесла полной уверенности. С ее стороны было, конечно же, дикой глупостью одной залезть к этому психу. Никто не знал, где она находится. Даже Франк.

Еще один шаг, и ее левая нога внезапно потеряла опору, скользнув по ступеньке. Люси завалилась навзничь и еще пять ступеней проехала на ягодицах, не выпустив пистолет. Она застонала, встала, скривившись. Слава богу, ничего не сломала, только болел левый локоть, который и смягчил удар. Ее перчатки и брюки блестели от слоя воска. Как и ступени. Этот придурок Рамирес сжег здесь кучу свечей, не иначе.

Люси спустилась по оставшимся четырем ступенькам со своим импровизированным факелом наготове. Первое помещение, в котором она оказалась, служило чем-то вроде предбанника, там стоял большой бойлер, баллон с водой и были навалены пустые птичьи клетки.

Снова раздался вой, полуживотный-получеловеческий. Он исходил из глубины подвала. Люси невольно дала волю воображению. Она взяла пистолет обеими руками, прижав фонарик к стволу. Главное – сохранить максимальную сосредоточенность.

Следующее помещение. Огромное. Блуждающий луч высветил на полу невообразимую свалку. Инструменты, мебель, сотни пустых бутылок, синие прозрачные пластиковые чехлы, деревянные поддоны, испорченные консервные банки. Приставленное к стене зеркало с трещиной во всю длину, как если бы в него попала молния. А также наваленные грудой мешки со строительными материалами. Подвальное окно, выходящее, по всей видимости, наружу, было затянуто прибитой к стене тканью. Рамирес сделал все, чтобы изгнать свет.

Двигаясь к черному тканевому занавесу, который свисал с потолка, разделяя комнату на две части, она еле пробиралась через море разнородных предметов, с трудом сохраняя равновесие. Стекло, пластик, дерево хрустели под ее подошвами. Она откинула ткань и закричала. В десяти сантиметрах от ее лица болталась клетка, подвешенная на цепи к потолку. За прутьями лежало животное – Люси понадобилось несколько секунд, чтобы узнать в нем кошку. Абсолютно выбритый зверек дрожал, забившись в угол клетки. Его большие прозрачные глаза сверкали, как светляки в луче фонарика. На его коже, казалось, шевелились толстые и блестящие черные накладки. Люси подошла ближе.

Пиявки, в большинстве своем длиной больше ладони. Впившиеся в плоть. Кошка изнемогала под их весом. Она снова издала долгий вопль, похожий на крик младенца.

Хоть Люси и была лейтенантом полиции, она едва подавила рвотный позыв. К какому конченому извращенцу ее занесло? Она постаралась взять себя в руки. Были ли крики кошки тем самым шумом, о котором упоминал дядя в своих записках? Ей безумно хотелось схватить животное и унести его отсюда. Нельзя, все должно остаться нетронутым. Она подавила свои чувства. Летиция, нужно думать о Летиции. Обнаружить следы ее пребывания, чтобы действовать соответственно.

Она прошла дальше, заглядывая в захламленные углы. Десятки других пиявок копошились в аквариуме, стоящем на верстаке. Рамирес воспроизвел естественную среду обитания – вода, камни, ил, – чтобы им было комфортно. Рядом с аквариумом – скальпели, щипцы, мензурки, пустые пластиковые контейнеры. Какими мерзкими опытами Рамирес здесь занимался? Мебель сдвинута к стенам, – возможно, здесь существовал тайник, где он мог держать похищенного человека?

– Есть здесь кто? Я из полиции. Отвечайте!

Никакого ответа. Она повторяла раз за разом, потому что знала, как запуганная девушка, которую похититель полностью подчинил себе, может захлебываться рыданиями в полной тишине. Она прошла вдоль стен, простукивая кулаком перегородки и выискивая зазоры между кирпичами, но время уходило. Меньше чем через сорок минут Шарко будет дома. Пора убираться отсюда. Она убедит коллег, поговорит с Франком и вернется – уже законным порядком. Учитывая все, что ей удалось узнать о психиатрическом багаже Рамиреса – его отношении к крови, сатанизме, – а также наличие кошки, подвергнутой мучительным пыткам, скальпелей и прочих хирургических инструментов, следовало обыскать дом сверху донизу.

Кошка снова жалобно закричала, ее потухшие глаза умоляли Люси о помощи. На ее спине и животе желудки пиявок вздулись до такой степени, что, казалось, сейчас лопнут. Эта пакость высасывала из кошки ее жизненные соки.

– Я вернусь, обещаю.

Поворачиваясь к животному спиной, она почувствовала, что у нее разрывается сердце. Она пошла обратно, стараясь ступать по прежней дороге, чтобы лишней раз ничего не задеть. Если Рамирес был маньяком и точно знал расположение каждого предмета, он мог догадаться о неожиданном визите.

Люси едва ступила в тамбур, как у нее остановилось дыхание от жестокого удара в солнечное сплетение. Сильные руки отбросили ее назад. Вскрикнув, она упала на пластиковые чехлы, а ее фонарик откатился и исчез.

Темнота.

Она хотела подняться, но Рамирес снова толкнул ее, накинул сверху кусок пластика и вдавил в ее лицо. Люси хрипло выдохнула. Кончиками губ она ловила последние частички воздуха, но дышать было уже нечем. Луч света снова появился в глубине свалки и уперся в потолок. Сидя на ней верхом, мужчина одной рукой крепко прижимал пластик, чтобы задушить ее. Другой рукой он приставил дуло пистолета к ее лбу:

– Я прикончу тебя, дрянь!

Он положил пистолет рядом, предпочтя давить на пластик обеими руками. Так больше возбуждает. Люси видела искривленные губы мужчины почти у своих собственных и вздувшиеся жилы на его шее, так сильно он давил. Она билась, как насекомое, попавшее в паучью паутину. Последний ее выдох затуманил пластик, и больше она ничего не различала.

Силы покидали ее, за зажмуренными веками поплыли лица. Франк, Жюль, Адриен, ее мать...

Она сдохнет здесь, в глубине этого гнусного подвала.

Покинуть мир самым глупым и мерзким способом...

5

Агония.

Последним отчаянным жестом ладонь Люси нащупала холодный металл ее пистолета, лежащего рядом справа. Пальцы сжались на рукояти. Ее рука оставалась прижатой к полу, но, несмотря на боль, она развернула запястье, положила указательный палец на спусковой крючок и выстрелила наудачу.

Кровь брызнула на пластик. Давление исчезло, навалившаяся на нее масса сползла вбок. Люси высвободилась, сорвала пластик с лица, и ей показалось, что она втянула в себя весь воздух земной атмосферы. Она поперхнулась собственной слюной, сплюнула, встряхнулась, потом подобрала свой фонарик.

Рамирес осел у стены с босыми ногами, на нем были только простые тренировочные штаны и майка. Глаза застыли. Большой темный цветок раскрылся у него на шее, прямо над адамовым яблоком.

Люси наклонилась: пульса не было.

Спотыкаясь, она сделала три шага, оглушенная, не в состоянии осознать того, что случилось в последние секунды. Все произошло так быстро. Она прикрыла глаза, переждала несколько мгновений. Может, все это было кошмарным сном? Подождала еще... Вот она просыпается, Шарко вернулся и нашел ее задремавшей на диване. Но нет. Она проникла в чужой дом почти в полночь и убила человека своим служебным оружием. Вне рамок какого-либо расследования или официальной процедуры. Коп она или нет, но с точки зрения закона она совершила убийство.

Обхватив голову руками, она так и осталась неподвижно стоять, не видя ничего вокруг. Мысли унеслись к близнецам, ее двум сыновьям на заре их жизни. Неужели она их тоже потеряет? Неужели все так и закончится: она, Люси Энебель, в камере три на три метра?

Звонок ее мобильного отразился от кирпичных стен. Вагнер, «Полет валькирий», едва не довел ее до сердечного приступа.

Она нажала на кнопку, без сил, с покрасневшими от слез глазами.

– Люси? Что происходит? Я только что отпустил Джаю, она сказала, что ты ее вызвала и уехала без всяких объяснений. Ничего серьезного, надеюсь?

Люси взяла себя в руки и проговорила замогильным голосом:

– Я только что убила человека.

6

Втопив педаль газа до упора, Франк Шарко мчался в невменяемом состоянии. Его рас-судок все еще отказывался осознать пять слов, произнесенных Люси.

В долю секунды все, что он создал, все испытания, которые он преодолел, чтобы на-конец-то зажить более-менее нормальной жизнью, пошли прахом. Женщина, которую он любил, сидела в глубине подвала незнакомого дома, с пистолетом в руке и трупом у ног. Картинки про-носились у него в голове. Люси за решеткой. Люси, которой в тюремном дворе ломают кости, одну за другой, заставляя платить за годы службы в полиции. Адриен и Жюль, с ладошками, прижатыми к плексигласу комнаты для свиданий, оплакивают мать, уходящую по коридору, пока хлопают двери и щелкают замки.

В салоне своей машины он забыл. Из горла вырвался протяжный хриплый крик. Нет, он не позволит их счастью разбиться. Они достаточно пострадали в прошлом, каждый по-сво-ему. Люси – из-за трагической смерти своих близнецов в самом начале их отношений. Он – из-за исчезновения жены и дочери десятью годами раньше. Судьба нанесла им достаточно ударов.

Но не на этот раз. Исключено.

А потому, невзирая на непонимание, неожиданность и серьезность ситуации, он сохра-нил как хладнокровие, так и свои рефлексy копа. Трудно было хоть что-нибудь разобрать в истории Люси – ее слова прерывались рыданиями, – но он приказал ей не двигаться, а главное, ничего не предпринимать до его приезда. Повесив трубку, он перезвонил Джае на ее личный мобильник, объяснил, что забыл кое-что доделать у себя на работе.

Наконец он добрался до нужного дома. Просканировал все вокруг опытным глазом лей-тенанта полиции, бывшего комиссара, попавшего в опалу, который в прошлом руководил тремя десятками сотрудников. Дом стоял на отшибе, вокруг леса и поля, никаких соседей напротив. Машины Люси в поле зрения нет. Он загнал свой автомобиль на дорожку, погасив фары, и припарковал так, чтобы с улицы ее было не различить. Потом надел кожаные перчатки, натянул кепку на череп, покрытый короткими сидящими волосами, и торопливо нырнул в ночь.

Громкие удары в дверь. Звук замка. Люси открыла и осела в его объятиях:

– Франк! Что я натворила?

Шарко крепко прижал ее к себе:

– С тобой все в порядке?

Она кивнула. Он оглядел ее со всей тщательностью в тонком луче лежащего на полу фонарика. Лицо в подтеках косметики. Шарко потер ее щеки тыльной стороной перчатки, потом кончиками пальцев прикрыв дверь:

– Показывай.

Подняв фонарик, Люси направилась к подвалу. Две скрюченные тени скользили по сте-нам. Движением руки она обратила его внимание на наличие воска. Прямо перед ними бойлер с ворчанием выплевывал высокое синее пламя, – видно, отопление по-прежнему работало.

Когда протяжное мяуканье разорвало тишину, Шарко передернуло.

– Что это было?

– Кошка.

Оказавшись внизу, он увидел бойню: парень в спортивных штанах, босой, горло в крови, сидел посреди неопишемого бедлама... Оружие валялось рядом – Шарко узнал «Хеклер-Кох Р30». Впечатление, что некое торнадо затащило содержимое десяти домов в этот подвал. Он оценил ситуацию и глянул на часы: двадцать три сорок.

– Где твоя машина?

– Стоит тут недалеко.

– Прохожие не заметят?

Люси покачала головой. Шарко пошел в глубину, отдернул черный занавес, посмотрел на клетку, подвешенную на высоте человеческого роста: кошка, которую пожирали крупные блестящие пиявки.

– Объясни мне, только чтобы я понял: как ты оказалась в доме этого типа с ключом от входной двери?

Люси все рассказала. Про поездку к тете, похищение Летиции Шарлан, подозрения дяди, фотографии, слепок с ключа. Шарко прикрыл глаза, и в голове у него образовалась пустота. Изгнать все чувства, отвлечься от всех переживаний. На месте преступления коп должен думать, анализировать и не допускать никаких посторонних мыслей. Когда он снова открыл глаза, Люси заметила, что его взгляд переменялся. Больше никакого блеска, просто два черных провала, а за ними – мрак.

– Есть доказательства, что эта девочка, Летиция, действительно попала к нему в руки?

– Я ничего не нашла. Он напал на меня и был вооружен, он попытался меня убить.

Должна же быть какая-то причина.

– А как бы ты отреагировала, застав кого-то у себя в доме посреди ночи?

Он взял лицо Люси в свои ладони и осмотрел каждый квадратный сантиметр:

– Он тебя не поцарапал? Никакого физического контакта?

– Между нами был пластиковый мешок. Откуда он взялся? Я не слышала его мотоцикла, я...

– Мотоцикла на улице нет. Ты видела, как он одет? Наверняка он уже был в доме.

Шарко вернулся к телу и наклонился. Проверил отсутствие частиц кожи под окровавленными ногтями Рамиреса, потом осторожно перевернул труп. Отверстие сзади свидетельствовало, что пуля прошла навывлет. Однако Франк знал, что полиция использует особые патроны: девятимиллиметрового калибра марки «Speer Gold Dot», производства ATK⁸, с полой головкой, которая расплющивается при столкновении с малейшим препятствием и остается внутри цели, теоретически. Но при стрельбе в упор в область шеи...

С помощью фонарика он обследовал все вокруг в поисках пули:

– Ты из какой позиции стреляла?

Люси не ответила, она с ужасом смотрела на своего спутника жизни. Скучный свет превращал черты Шарко в безумные геометрические фигуры. Калейдоскоп из кусков плоти, который снова вызвал у нее дрожь. Глаза исчезали во тьме, словно поглощенные двумя черными дырами. Он выпрямился, взял ее за плечи и сильно встряхнул:

– Приди в себя! Так из какой позиции?

– Франк... что ты делаешь?

– Что я делаю? Я пытаюсь помешать нашей семье пойти ко дну.

– Нет, Франк. Я убила этого типа, я... Я одна и должна отвечать. И речи быть не может, чтобы втянуть в это тебя!

– Я уже втянут с того момента, когда ты притащила сюда свою задницу, не сказав мне ни слова, а еще потому, что ты мать моих детей. Пойдешь ко дну ты – угробимся мы все.

Шарко достал бумажник и сунул ей под нос фотографию сыновей:

– Думай о них. Только о них. Мы не в счет.

Его слова поразили Люси в самое сердце. Голова у нее кружилась. Ей следовало проверить все комнаты, прежде чем спускаться в подвал. Может, Рамирес продал свой мотоцикл. Он не открыл дверь, потому что не захотел, или же не услышал, или боялся нежеланного гостя?

⁸ ATK (Orbital ATK Inc.) – американская аэрокосмическая и оборонная компания. Среди прочего производит боеприпасы среднего и крупного калибра.

Почему она оказалась такой дурой? Она порылась в памяти, неопределенно повела указательным пальцем:

– Я точно не помню... Я лежала на полу, в том углу. Он был надо мной и хотел меня задушить. Я наклонила пистолет и выстрелила. Его отбросило к стене, и он умер...

Шарко это мало чем помогло. Он заметил висящую лампочку, поднялся по лестнице, чтобы зажечь ее, но энергосберегающий свет – от силы двадцать ватт – едва теплился. Он оглядел потолок над телом – увеличивающимися кругами, пока его взгляд не остановился на точке попадания. Пуля частично вошла в кирпич, но не полностью благодаря полый головке. Он вытащил ее, как вишенку, и опустил в карман. Эта пуля была частью цифрового отпечатка оружия Люси.

– А теперь гильза.

Другая часть цифрового отпечатка. Опустившись на колени, он принялся рыться в пластиковых чехлах, откатывая пустые бутылки... Чем больше предметов он разгребал, тем большие залежи обнаруживались под ними.

– Ты зашла в дом уже в перчатках?

– Я их надела еще снаружи. И шапочку.

Учитывая невероятную свалку, в которую был превращен подвал, Шарко был уверен, что полицейские из научно-технического подразделения окажутся не в состоянии корректно провести анализ ДНК, а значит, он может спокойно рыться, не боясь обронить капельку пота или волосок из брови. Зато следовало тщательно следить, чтобы не оставить отпечатков на дверных ручках и мебели...

– Хорошо. Ты связывалась с национальными базами данных по поводу Рамиреса? Говорила с кем-то о нем, звонила кому-нибудь?

– Нет, я была осторожна. В курсе только тетя.

– Судя по твоему рассказу, Рамиреса допрашивали только как свидетеля по делу об исчезновении, так?

– Да.

– Значит, не будет установлено никакой связи между исчезновением Летиции, которое находится в ведении Центрального бюро, и смертью Рамиреса, которой займется бригада уголовной полиции. Никто не побеспокоит твою тетю, расспрашивая о том, какую деятельность развил твой дядя, а вот нам нужно будет с ней повидаться. Она болтушка, неспособная придержать язык.

Мозг Люси перегревался, Франк сохранял холодную голову.

– А теперь подумай хорошенько, Люси, подумай, какие ошибки ты могла допустить. Представь каждую минуту этой ночи с того момента, как ты вышла из дому. И помоги мне найти гильзу, черт побери!

Она встала на колени рядом с ним, положив ладони на деревянное покрытие и не отрывая взгляда от пустых затуманенных глаз Рамиреса. Смерть уже мягко обволакивала его.

– Ты думаешь... он был виновен? Он причинил зло Летиции?

– Ну откуда мне знать?

Люси больше не знала, что думать, самые черные мысли роились в ее голове. А вдруг он невиновен? Вдруг он никогда и не притрагивался к девочке? Попытки кошки ничего не доказывают, – возможно, она имела дело с извращенцем, которому доставляло удовольствие мучить животных. Это не делает из него похитителя или убийцу, даже если у него толстенное полицейское досье. Этот тип отбыл свой срок, в глазах закона он был свободен и вновь стал таким же гражданином, как и любой другой.

Она смотрела на Шарко, который обеими руками разгребал завалы на полу и который боролся за нее, рискуя собственной шкурой. В случае чего ему тоже мало не покажется. Соучастие в убийстве, сокрытие улик. На сколько это тянет? Пять лет? Десять? Неужели их

ждет такой финал – их, кто сражался на всех фронтах? Скольких мерзавцев они засадили за решетку? Сколько жизней спасли? Но можно ли оценивать жизнь человека весом убийц, которых он способен отправить в тюрьму? Она попыталась успокоить его как могла:

– Думаю, я не сделала ошибок. На мне были перчатки... Я никого не встретила на дорожке, и никто не видел, как я сюда заходила.

Она вдруг очнулась и взялась за поиски на границе света и тьмы. Кошка безостановочно стонала. Невыносимый крик младенца разрывал барабанные перепонки и взвинчивал нервы. Шарко попросил Люси снова проиграть всю сцену нападения и попробовать представить себе направление, в каком вылетела гильза. Может, она столкнулась с препятствием и ушла в сторону? Или же пролетела не один метр и приземлилась где угодно в этом хаосе? В тире гильзы иногда находят в непосредственной близости от цели.

Прошло двадцать минут бесплодных поисков. Франк теперь ползал вдоль стен, с трудом сохраняя равновесие на гудах хлама.

– Мы должны ее заполучить. Если не найдем, все пропало. На ней выбит номер серии, они запросят поставщика, доберутся до арсенала конкретного отдела и обнаружат, где он находится: набережная Орфевр, 36. Они не будут знать, о ком конкретно идет речь, но если упрутся, то проведут баллистический анализ оружия всего персонала. И установят связь между гильзой и твоим «зиг-зауэром».

Шарко знал законы баллистики: при каждом контакте с частями оружия – обоймой, накопителем, дулом, выбрасывателем, бойком – на гильзе остаются характерные следы, индивидуальные для каждого пистолета. Только «зиг-зауэр» Люси соответствует отметинам на искомой гильзе, они составляли единственно возможную пару, которую эксперты без труда идентифицируют.

После полутора часов напрасных поисков Шарко, с покрасневшими глазами и в измазанном костюме, остался без сил. Он выпрямился, преодолевая боль. Он больше не мог вспомнить, где уже искал, а где еще нет. Полное ощущение, что ходит по кругу. Но одно было очевидно: техники из научного отдела найдут ее, эту чертову гильзу.

Люси взяла его за руку:

– Ничего не выходит. Возвращайся домой, прошу тебя. А я потом позвоню в полицию и...

– Не валяй дурака. Слишком поздно. Ты пропадешь, я пропаду, наши дети пропадут. Ты сделаешь их сиротами.

Шарко знал, что каждое его слово пронзает Люси насквозь, но это бичевание было необходимо. Он до сих пор не мог поверить собственным глазам: два копа из уголовной полиции ползают на четвереньках по подвалу и ищут оловянную трубочку девятнадцати миллиметров длиной и девяти миллиметров в диаметре, чтобы скрыть преступление. В последнем всплеске надежды он снова кинулся искать. Пять минут спустя, смирившись, он погрузился в долгое размышление, не отводя взгляда от пистолета «хеклер-кох» Рамиреса.

– Бесплезно, мы ее не найдем. Я вижу три выхода. Самый плохой – избавиться от тела. Но в любом случае копы придут сюда. Так или иначе, кто-нибудь заявит об исчезновении Рамиреса. Рано или поздно следователи обязательно обыщут дом. Что никоим образом не решает нашу проблему с гильзой, а я не смогу жить спокойно, зная, что она где-то здесь и однажды кто-нибудь ее найдет. Второй вариант – огонь. От тела и от дома мало что останется – кроме этой проклятой гильзы. Парни из отдела пожаров и взрывов ее заполучат, это точно.

Шарко бросил взгляд на труп:

– Итак, остается только последний вариант... Возьмем дело на себя. Расследуем убийство, которое ты сама и совершила.

7

Люси обеими руками обхватила голову:

– Невозможно такое сделать.

– Почему бы нет? Мы только что закрыли дело с двойным убийством, момент самый подходящий. Наша команда свободна и по всей логике должна взяться за новое расследование, при условии, что труп обнаружат очень быстро, то есть завтра. Наш процессуалист Леваллуа, так что осмотр места преступления и сбор улик вместе с техниками должны поручить ему, но я подсуежусь, чтобы на этот раз занять его место. Именно я буду составлять протокол осмотра, и я же займусь опечатыванием улик. Прежде чем отправить их в научный отдел, я подменю гильзу, которую отдадут мне техники, на другую. По крайней мере, контроль изнутри останется за нами.

– Ничего не получится. Мы сейчас находимся вне Парижа, так что Управление не при делах. И даже если бы тело обнаружили в пределах столицы, это была бы просто еще одна смерть от огнестрела. Расследование передали бы в один из окружных комиссариатов.

– Ты права, тут требуется что-то исключительное – убийство, выходящее из ряда вон, причем крайне гнусное, тогда мы точно окажемся в деле и нас пришлют сюда. Глянь только на это место – одна кошка, усеянная пиявками, чего стоит! Что еще нужно, чтобы преступление стало настоящей сенсацией? И чтобы у судебных властей не осталось другого выбора, как обратиться на Орфевр, 36.

По тому, как он оглядел труп, Люси поняла, куда он клонит:

– Господи, Франк. Нет, не можем же мы...

Шарко приложил указательный палец к ее губам:

– В нашей беде нам хоть на каплю да повезло, все могло быть в десять раз хуже. Я уже знаю, где взять гильзу на подмену. Его ствол...

Он поднял оружие Рамиреса, одним движением достал магазин:

– Девять миллиметров, самые распространенные, как и наши собственные. Одно очко в нашу пользу.

Он достал из магазина патрон и повернул его. На задней стороне полукругом шла гравировка: «Люгер».

– Другая марка. Черт!

Их гильзы, как и у всех французских силовых структур, были марки «Speer», что также подтверждалось гравировкой на задней части гильзы, рядом с номером серии. Он положил свои большие ладони на плечи Люси, заглянул в глаза, надеясь уловить огонек надежды среди бушующего отчаяния.

– И все равно наш план сработает. Слушай меня хорошенько: баллистическую экспертизу будет точно проводить Ги Демортье. Он, конечно, блестящий специалист, но опираться сможет только на ту опечатанную улику, которую я ему передам. А я подменю гильзу до этого, значит он будет исследовать гильзу от «люгера», и дело в шляпе. Кто, кроме него, обращает внимание на марку? Никто. Вот ты, когда читаешь отчеты, смотришь на это?

– «Люгер», «Speer»... Я даже не знала... Но техник из научного отдела, который найдет гильзу в подвале, будет знать.

– При условии, что сам обратит на это внимание, и в любом случае протокол буду составлять я, не забывай. Он находит гильзу «Speer», я записываю «люгер», отдаю «люгер» в лабораторию и избавляюсь от «Speer». Протокола техник в глаза больше не увидит. Техники никогда не пересекаются с баллистами. Две разные гильдии.

Шарко осмотрел все вокруг, потом снова повернулся к Люси:

– Послушай, пять процентов подонков так и остаются непойманными, потому что они не паникуют, они сохраняют хладнокровие. Так вот, мы тоже окажемся в этих пяти процентах, Люси. Мы видали виды, мы знаем правила, мы сами их пишем. Нас никогда не заловят. Завтра мы с тобой придем в отдел минута в минуту, без опоздания, и займемся своей работой, как каждый день. В какой-то момент днем нас вызовут, потому что здешние копы обнаружат «ауди» Рамиреса, которую я сейчас перегоню и поставлю так, чтобы машина мешала проезду по малой дороге. Местная полиция доберется до этой хибары с открытой дверью и спустится в подвал.

– Не работает. Слишком сложно. Слишком много параметров, слишком...

– Сработает, можешь мне поверить. А сейчас ступай напрямик к своей машине и езжай домой. Только сними куртку, прежде чем покажешься Джае, ты вся изгваздась. Потом налей мне большой стакан виски и жди, он мне очень понадобится. А я пока тут кое-чем займусь, подгоню «ауди», избавлюсь от лишнего и присоединюсь к тебе. И подготовь досье дяди к моему приезду: надо будет все сжечь.

Люси не верила, что слышит все это из уст законопослушного и честного полицейского, каким всегда был Шарко. Но она поняла, что пытаться его отговорить бесполезно.

– Он должен быть виновен... Он должен был причинить зло Летиции, иначе мне не оправдаться. Этот тип отсидел свой срок и, возможно, на сегодняшний день был чист.

И она исчезла. Шарко подтянул свои кожаные перчатки перед разбитым зеркалом. Никогда еще у него не было такого мрачного и решительного взгляда. Задача будет трудной, но он знал, как надо действовать: за свою карьеру он не первый раз подправлял сцену преступления.

Прежде всего, эта ситуация с пулей и гильзой. Он подумал и нашел решение. Перетащил тело Рамиреса в другой угол подвала, подальше от настоящего места убийства и следа от пули на потолке. Усадил его, прислонив к стене, абсолютно в той же позе. Подобная точность была необходима: с первых минут после смерти кровь начинала стекать по сосудам и под действием силы тяжести скапливалась в зонах соприкосновения тела с твердой поверхностью, образуя затем трупные пятна. Они позволяли эксперту определить, перемещали ли тело после смерти. Но на этот раз медик даст маху. Шарко стер следы крови там, где тело располагалось первоначально.

Потом рукой в перчатке он взял «хеклер» и приставил к горлу трупа. Не дрогнув, выровнял дуло по направлению раны, другой рукой пристроил свое кепи внутренней стороной к линии выброса гильзы, справа. Выстрелил. Ударная волна вонзилась в его барабанные перепонки, полностью оглушив. Он закричал от боли.

Раскаленная гильза марки «Люгер» закончила свой путь внутри его кепи. Когда она остыла, он вытер гипотетические отпечатки, которые мог оставить Рамирес, вставляя ее в магазин, – хотя жар должен был все уничтожить, – и аккуратно убрал ее поглубже в карман. В ушах еще стоял звон, как нестройный звук, вырвавшийся из скрипки. Потом он повернул голову трупа: пуля застряла глубоко в стене, не «угрибнившись», значит она не была полой. Отлично. Не прикоснувшись к ней, он раздел тело, отметив наличие пирсингов, многочисленных татуировок и насечек: полосы на груди в форме тюремной решетки. Он придал трупу прежнюю позу. словно художник, скульптор жути, он тщательно прорабатывал каждую деталь своего произведения. Вытащил мобильник из спортивных штанов на трупе. Раздавил его сильным ударом каблука и вынул сим-карту, прежде чем убрать к себе в карман.

Можно было переходить к следующему этапу. Самому тяжелому.

Он подошел к рестаку с аквариумом и взялся за скальпель.

8

Час спустя он убрал в багажник своей машины большой мусорный мешок, где лежали скальпель, пластиковый чехол, который Рамирес прижимал к лицу Люси, разбитый мобильник, пистолет «Хеклер-Кох Р30», одежда Рамиреса, в которую была завернута кошка, – ему пришлось придушить ее за неимением другого способа положить конец мучениям. Он снял с животного большую часть пиявок, воспользовавшись ими для создания своей инсталляции.

Тучи застилали небо, воздух был влажным и наэлектризованным, почти грозовым, но дождь не шел. Тем лучше. Под прикрытием темноты Шарко осторожно пробрался вперед по обочине узкой дороги, что шла вдоль дома. Ни одной живой души. Он огляделся. По полям гуляли волны, лес отбрасывал тревожные тени на неровности почвы. Внизу, вдали, грязная асфальтовая полоска Национального шоссе 20 взрезала ночь. Две-три машины мчались в попытке покорить ее. Жилье Рамиреса стояло на отшибе, ни соседей, ни прохожих: коп воспринял это как еще один добрый знак.

Он нашел в доме ключи от «ауди», снял с ручного тормоза и начал толкать машину назад. Ему и в голову не могло прийти сесть за руль и оставить биологические следы, которые легко обнаружить в замкнутом чистом пространстве. Достаточно обронить ресницу, чешуйку кожи, волос... Спортивная машина перегородила половину дороги. Другие автомобили смогут проехать, только сползая на обочину. Никакого сомнения, уже завтра утром, в час пик, раздраженные водители предупредят полицию.

Как поступить с ключами от машины? Оставить в замке зажигания? Отнести обратно в дом? Шарко постарался представить реакцию коллег, когда они обнаружат обустроенную им сцену, и себя среди них – если все пройдет так, как он задумал. И решил сунуть ключи в карман.

Оставив входную дверь приоткрытой, он сел в свою машину, оглядел последний раз дом в зеркало заднего вида – не забыл ли он чего? – и тронулся с места, доверху застегнув плащ, чтобы скрыть следы крови на рубашке и брюках: убийца всегда уносит на себе частицу жертвы, и Шарко не стал исключением из правила.

Он выбирал маленькие объездные дороги, сделал большой крюк через лес Де-Верьер, припарковался в укромном уголке, пошел пешком между деревьями, с мусорным мешком в одной руке и канистрой с бензином, найденной в подвале, в другой. В глубине леса он сложил в кучу содержимое мешка и кошку. Облил все горючим. Глядя на языки пламени, он попытался вызвать в памяти улыбку близнецов – и увидел их на песке, как они с криками играют на берегу моря, – только так он мог выдержать то, что ему приходилось совершать. Простоял неподвижно несколько минут, и этого времени хватило, чтобы продышаться и осознать: ничто больше не будет таким, как прежде. Отныне они с Люси проведут остаток жизни, балансируя на канате, натянутом над пропастью. Малейший порыв ветра – и она поглотит их.

Кошка целиком не сгорела, и Франк спрятал обуглившиеся останки под опавшими листьями уходящего лета. Он снова выехал на дорогу, остановился километрах в пяти, выбросил ключ от «ауди» и скальпель в водосток. Господи, этому конца не видно. Он позвонил Люси предупредить, что скоро вернется. Нажимая на кнопку отбоя, заметил, как сильно дрожат его руки: в этот самый момент они взвешивали всю тяжесть их общего будущего – всех четверых.

На грани нервного истощения он продолжил свой кровавый путь пешком, вдоль Сены, до Шуази-ле-Руа⁹. Миновал ряд фонарей, их синеватый свет брызгами лег на его плащ. Перед ним шумела Сена, перекачивая черные волны, как снаряды. Шарко подумал о Стиксе, мифологической реке, которая отделяла земной мир от подземного царства теней, и у него возникло ощущение, что он скитается по его водам, лишившись возможности вернуться назад. Теперь,

⁹ Шуази-ле-Руа – город и коммуна в 10 км от Парижа.

когда его скрывала полная темнота, он избавился от пистолета Рамиреса и, ускорив шаг, выбросил оставшиеся в магазине шесть патронов по одному, через каждые пятьдесят метров, с укоренившимся в нем странным червячком тревоги: не упустил ли он какой-то детали?

Он снова вышел на дорогу, борясь с дрожью: поселившееся в нем сомнение было скорее нормой. Нет, он ничего не забыл, и знал это. Столько лет в профессии, сотни мест преступлений, которые он видел и анализировал – разве он мог ошибиться?

Его крестный путь закончился в собственном гараже. Он разделся, облачился в синий халат, который надевал, когда требовалось что-то покрасить или обклеить, собрал в кучу испачканную одежду и поджег ее прямо на бетоне. Очень быстро огонь заплясал перед его глазами. Он посмотрел, как корчится в пламени его полосатый галстук и серый костюм, парадный, только для больших праздников. Подарок Сюзанны, его первой жены, умершей много лет назад. Все обращалось в дым, словно ставя точку в истории, и Шарко увидел в этом мрачное предзнаменование.

Люси принесла ему досье Анатоля. Он кидал бумаги по одной в пасть огня, остановив взгляд на сияющем лице юной Летиции. Он отдавал девушку ее ужасной судьбе, но разве у него был выбор? Пламя пожрало ее, пока горечь и отвращение разъедали сердце Шарко. *Виновны.*

Потом он опустил глаза на пулю из пистолета Люси на своей ладони, кусочек свинца в медной оболочке, уничтожитель жизни. Он схватил молоток и бил, бил, бил с животным рычанием и каплями пота на лбу, пока не превратил снаряд в мелкое крошево.

Когда он обернулся, задыхаясь, позади него стояла потрясенная Люси, глядя в безумные глаза своего мужчины.

9

На следующее утро в Управлении, укрывшись за монитором своего компьютера, Франк чувствовал, что не в состоянии заниматься чем бы то ни было. Одно то, что ему пришлось войти в их «опен спейс»¹⁰, пожимать руки как ни в чем не бывало, шутить в коридорах, принимать поздравления коллег по поводу ареста Дюлака... А еще гильза от «люгера», аккуратно завернутая в носовой платок и лежащая в кармане брюк, четыре грамма, способные отправить их на двадцать лет в тюрьму. Он должен подменить ее на другую, затерянную в глубине подвала, средоточие всей мерзости его поступков...

Хоть он это тщательно скрывал, но страх приковал его к креслу. Мороз по коже, какого он не ощущал уже очень давно. Он видел, что Люси, осевшая на своем стуле по диагонали от него, тоже чувствует себя не слишком хорошо. Всю ночь она дрожала в постели, проигрывая в голове худшие из сценариев. Тюрьма, место медленной смерти, тоски, насилия и отчаяния, приводила ее в ужас, она была для нее монстром, пугалом, источником ее кошмаров. Люси многое вынесла в жизни, но лишение свободы неотвратимо погубило бы ее.

И Франк без устали успокаивал ее: они выпутаются, вместе будут смотреть, как растут их дети, состарятся под тенью зонтика в собственном саду и эта история в конце концов сотрется в их памяти, погребенная под тысячью других воспоминаний. В глубине души он в этом сомневался. Одно чувство не давало ему покоя со вчерашнего дня. И он должен был любой ценой избавиться от этой занозы.

После обеда, когда все вернулись на рабочие места, он встал:

– Мой черед.

Первый номер команды вернулся с пятью кофе: один с сахаром, один с молоком для Робийяра и три черных. Из-за своего монитора он исподтишка наблюдал, как Жак Леваллуа пьет свою чашку. Полчаса спустя процессуалист группы начал вертеться в кресле, кусая губы: слабительное скрутило кишки. С этого момента он все чаще удалялся в туалет походкой ковбоя, едва слезшего с лошади. Шарко заметил, как на него смотрит Люси: она поняла. Доведенный до изнеможения, Леваллуа натянул пиджак и выключил свой компьютер:

– Я пошел, не знаю, что случилось, но брюхо болит до чертиков. Наверно, съел что-то не то в столовой.

Он вяло попрощался, держась за живот. Франк передвинул монитор, чтобы тот прикрыл его от глаз подруги. Он себя проклинал.

И он стал ждать, ждать, не в силах работать, попусту щелкая по клавиатуре, чтобы создать видимость бурной деятельности. Чем дальше сдвигались стрелки – пятнадцать часов, шестнадцать, семнадцать, – тем отчетливее в его голове хлопали тюремные двери. Что происходит? Местных копов еще утром наверняка вызвали жители из-за «ауди». Учитывая весь процедурный порядок, Управление должны были привлечь сразу после полудня.

А если в судебной машине что-то разладилось и дело не дойдет до Орфевр, 36? Или его поручат другой бригаде? Люси права: риск, что их затея провалится, был велик. Одно желание терзало его: сесть в машину и помчаться туда, просто чтобы посмотреть. В этот момент его охватила дрожь: он же ничем не отличался от убийцы, которого тянет обратно на место преступления.

После поспешного ухода Леваллуа атмосфера в их рабочем пространстве, месте, где они делили свои победы, перебранки и провалы тоже, прониклась олимпийским спокойствием, как и всегда наутро после завершения большого дела. После задержания Дюлака люди

¹⁰ «Open space» – офис, организованный по американскому принципу «открытого пространства» (*open space*), то есть без стен и перегородок.

из команды Маньена испытывали потребность перевести дыхание, ответить на отложенные мейлы, немного расслабиться.

Одним взглядом Шарко дал понять Люси, что той пора немедленно отправляться, чтобы забрать близнецов с продленки. Она тоже с явной тревогой ждала пресловутого звонка, и ей не хотелось уходить, так ничего и не узнав. В конце концов она скрепя сердце собралась, встала, бросила, ни на кого не глядя, «до завтра» и исчезла. Следом за ней испарился лейтенант Паскаль Робийяр, со спортивной сумкой на плече, отправившись на очередные занятия в спортзал. Гигант тренировался больше четырех раз в неделю и был не из тех, кто засиживается на работе, особенно после окончания дела, потребовавшего немало сил.

Они остались в офисе вдвоем.

– Кажется, между вами кошка пробежала, – заметил капитан Белланже между двумя щелчками мышью. – Так и едите друг друга глазами.

– Люси немного дергается из-за начала учебного года. С Адриеном порядок, а у Жюля проблемы. Он кукуется, плачет. Мы сейчас недосыпаем.

– Мы все недосыпаем. На то мы и копы.

Больше Николая Белланже ничего не добавил. Он отвернулся к монитору, поднеся руку к виску, но тут же поспешно отнял ее и положил ладонь на стол. Дрожание пальцев было почти незаметным, и Шарко, конечно же, никогда не обратил бы внимания, если бы Николая не приобрел привычку прятать руки. Однажды Шарко поинтересовался, пьет он или что-то принимает. Белланже едва не заехал ему в морду. Возможно, Шарко и ошибался, хотя агрессивность Николая и то, как он выглядел иногда по утрам – он-то, который всегда так следил за своей внешностью...

После дела «Пандемии» и учитывая смерть его подруги двумя годами раньше, наверху решили, что будет лучше отстранить его от руководства командой и снова сделать простым уличным полицейским, номером два в группе – после Шарко. Череда несчастий, которые Белланже с трудом преодолевал, сильно поспособствовала продвижению нового шефа их группы, Грегори Маньена, извлеченного по такому случаю из дальних закровов.

С тех пор Николая держался особняком, отдавая душой и телом каждому расследованию, в доказательство, что он еще жив, а главное – чтобы поменьше бывать дома. Его личная жизнь сводилась к хлебным крошкам, какие бросают голубям.

Шарко пришлось напрячь память, чтобы вспомнить хорошие времена. Скоро их комната станет прибежищем убогих – от Робийяра, который до самой пенсии будет довольствоваться своим статусом лейтенанта, Шарко – бывшего комиссара, бывшего шефа, бывшего все-на-свете, которого снова отправили «мести тротуары», Белланже, одинокого волка с карьерой, вдребезги разбившейся на самом взлете, и до Люси, которая, возможно, никогда больше не сможет вести расследование, не вспоминая про ночь с двадцатого на двадцать первое сентября две тысячи пятнадцатого года. При условии, что они оба не окажутся за решеткой. В конечном счете только Жак Леваллуа получил повышение и вышел сухим из воды.

Шарко до крови изгрыз ногти, раз за разом прокручивая в голове последние часы. Ненайденная гильза была для него как моментальный снимок Люси, оставленный на трупе с надписью: «Это я, Люси Энебель, убила его. Вы найдете меня на четвертом этаже дома 36 по набережной Орфевр». Вспоминая о тех чудовищных поступках, которые он совершил после ухода Люси, матери своих детей... Да еще снадобье, которое он подлил в чашку одного из сослуживцев... Человеческое существо ничем не отличается от всех прочих: оно борется за выживание, и Шарко не был исключением.

В восемнадцать часов двадцать минут капитан Грегори Маньен зашел в помещение, с потухшей сигаретой в зубах. Шарко его не очень жаловал, Николая не выносил на дух – между двумя мужчинами шла давняя война, и Маньен пользовался каждой секундой власти, чтобы

отдать Шарко приказание или отодвинуть в сторону, едва представлялся случай. Но старого козла ждала пенсия весной две тысячи шестнадцатого года, что и заткнет его окончательно.

Их начальник оглядел пустующие рабочие места с видом побитой собаки и высек из газовой зажигалки струю пламени, чтобы разжечь свою сигарку – «Житан» без фильтра. Он уже сто лет как забил на любые запреты. За облачком дыма он возвел глаза на Шарко:

– Мне сказали, что ты занялся стрельбой ни свет ни заря? Ты – и вдруг в тире? Шутка века. И как прошло?

Франк хотел как можно быстрее восполнить недостающий заряд в магазине «зиг-зауэра» Люси и воспользовался утренним занятием в тире, чтобы стащить патрон. Копы-инструктора не отличались такой строгостью, как их коллеги из жандармерии, и не вели счет боеприпасам, потраченным во время тренировок.

– Тебя так интересуют мои баллистические достижения?

– Скажем, все, что касается моей команды, меня интересует. Ну и?

– Я мог бы пристрелить белую лошадь, целясь в черную.

– Эта хрень уже не для стариков вроде нас с тобой. Ладно, шутки кончились, за одним делом тянется другое. У нас труп в районе Лонжюмо. Эксперты из КУ¹¹ уже едут.

– Лонжюмо? Так это не к нам.

– Да, но, похоже, там не Винни Пух порезвился, вот прокурор и решил, что лучше привлечь нас. А где Леваллуа?

– Ушел. Живот заболел.

– Ну что ж это за...

Шарко встал с кресла и натянул старый черный пиджак, демонстрируя полное спокойствие, просчитанное от и до.

– Да ладно, не заводись, я подменю его с процедурой и сам займусь составлением протокола осмотра.

В улыбке Маньена сквозила доля цинизма.

– Поверь, ты не пожалеешь, говорят, там неопиcуемый бардак. Я поеду с вами. Может, это мое последнее дело. Так что сделаем из него конфетку.

¹¹ КУ – Криминалистический учет, или Служба криминалистического учета – эксперты, осматривающие место преступления. – *Примеч. авт.*

10

Тяжелые лопасти корабля судебного делопроизводства начали вращаться, и остановить их было невозможно. Обычно Шарко не обращал внимания на членов экипажа, суесящихся вокруг места преступления. Техники, полицейские, помощники прокурора или следователи, иногда пожарные и медики... Но сегодня он вглядывался в каждое лицо с удесятенным вниманием, прислушивался к любому замечанию, ловил первые реакции. Эти люди, в большинстве своем блестящие специалисты, объединят свои усилия, поделятся знаниями и сделают все возможное, чтобы отыскать того, кто совершил преступление.

Придется быть сильнее, чем все они, вместе взятые.

После взаимных представлений, приветствий, обмена привычными крепкими рукопожатиями Маньен отошел поговорить с помощником прокурора, пока капитан из полицейского комиссариата Лонжюмо Жан-Люк Семе вкратце вводил в курс дела остальную команду, стоя перед домом, где мельтешили силуэты в костюмах белых кроликов. Шарко наблюдал за ними краем глаза.

– Сегодня утром несколько водителей позвонили нам, чтобы сообщить о машине, которая мешала проезду, – излагал Семе. – Два моих парня приехали посмотреть около девяти тридцати.

Он указал на «Ауди ТТ», стоящий неподалеку на прежнем месте и отданный на откуп техникам из научного отдела. Этот участок дороги был закрыт для движения.

– Естественно, они направились сюда, чтобы выяснить, в чем дело, но дверь была открыта. Они и зашли. Что их сразу насторожило, так это большие черные слизняки, которые, по-видимому, ползли из подвала. Оказалось, это пиявки.

Шарко сделал вид, что удивлен:

– Пиявки?

– Да, причем их было полно. Тогда мои парни спустились, чтобы попытаться понять, откуда взялись эти мерзкие твари. И там они обнаружили тело. Ну и я тоже видел. Предупреждаю, от этого с души воротит.

Шарко повел подбородком в сторону фургона. Там Николая, стоявший в отдалении, один, внимательно ко всему прислушивался, сжимая в губах сигарету. Он уже обошел вокруг грузовичка и теперь разглядывал окрестности.

– Что известно о жертве?

– Жюльен Рамирес, тридцать один год. Мы наскоро проконсультировались со STIC¹² и выяснили, что парень судимый, если быть точным, за попытку изнасилования, но, не считая этого, у нас не было времени копнуть как следует и...

– Мы сами этим займемся. А что там внутри?

Оливье Фортран, глава Службы учета, присоединился к разговору. Гранитный утес в Альпах – вот кого напоминал этот тип с его лысым черепом и высокими ботинками в стиле рейнджер размера сорок шестого, не меньше.

– Редко увидишь такой бардак на месте преступления. Я вызвал дополнительную команду, а надо еще спальней заняться.

Шарко постарался сохранить самый что ни на есть нейтральный тон:

– Спальней?

– Да, сам увидишь. Это ты процессуалист?

– Леваллуа заболел.

¹² STIC – система обработки установленных преступлений. Объединяет информацию о людях, совершивших преступления и задержанных национальной полицией, а также данные о жертвах этих преступлений. – *Примеч. авт.*

– Ну, значит, тебе не повезло, нам придется опломбировать три машины, только чтобы вывезти все дерьмо из подвала. Раньше начнем, раньше кончим, но даже в лучшем случае проторчим здесь до середины ночи. Сам вызвался? Как выражается капитан Семе, кушать подано, мало не покажется. И не трудись влезать в бахилы, нет смысла.

Шарко направился к грузовику научников, где его дожидались комбинезон, шапочка и маска. Почему Фортран заговорил о спальне?

– Я могу заглянуть в дом? – спросил Николая.

Фортран протянул ему пару перчаток:

– Без проблем. Только осторожней, не наступи там на живность. По-моему, они лопнут, как попкорн, если по ним пройти.

Шарко вошел, вооружившись пачкой листов, предназначенных для составления протокола осмотра: описание места преступления, перечисление улик, обнаруженных экспертами, список и фотографии опечатанных образцов с подтверждением даты и времени. Офицер судебной полиции – в данном случае он сам – должен отнести или отправить эти улики в соответствующие лаборатории. Весь его план был основан именно на последнем пункте.

У входа в коридор Николай опустился на колени, разглядывая пиявку. Желтые и черные полоски отмечали кровавый путь паразита. Перед тем как спуститься, Шарко взгляделся в удивительно пустые глаза коллеги:

– С тобой все в порядке?

Николя не ответил, только потер ладони одна о другую. Оставшись один, он попытался логически рассуждать. Эти пиявки не могли подняться сами. Кто-то хотел, чтобы они, копы, отправились в подвал. Разве входную дверь не оставили открытой? Все было срежиссировано, чтобы привести их в дом. Приглашение.

Он пошел в гостиную. Рукой в перчатке открыл ящики, поворошил бумаги. В одном из шкафов сотни дивиди в прозрачных коробках, без этикеток. Пиратские копии – сами диски покупались чистыми, для записи. Николай взял один и вставил в видеоплеер. И сразу попал на сцену садомазо с латексом, ударами хлыста и визгом. Полицейский был впечатлен глубиной наносимых ран. На многопиксельном экране вспоротая плоть расцветала кровавыми лепестками.

Он вытащил наугад еще несколько. Та же история, те же американские подделки. Он выключил телевизор и поставил диски на место. Один из техников поднялся вверх с пустой клеткой. Другие коллеги шли за ним, таща в руках кучу бутылок, досок, инструментов... Они начали разгружать подвал, чтобы попытаться его обследовать.

Николя отошел в сторону, ему хотелось тишины и покоя. Он поднялся на второй этаж, осмотрелся. Лента с надписью «судмедэкспертиза» преграждала вход в спальню, которая была обставлена только самым необходимым: кровать с простынями в капельках крови, ночной столик, холодные стены, обклеенные обоями. Окно в задней стене дома, выходящее в лес, было распахнуто. На полу валялся лифчик и чулки в сеточку. У изголовья кровати, рядом с ночным столиком, – пара наручников с ключом в замке. А внутри металлических колец – крошечные окровавленные острия, как ряд зубов пираньи. Коп понимал, какую боль вызывают такие наручники: при малейшем движении острия впиваются в тело.

Что это значит? Убийца прервал Рамиреса в разгар сексуальных забав? Чья кровь на простынях? Является ли она результатом пыток, как в фильмах? И где пряталась девушка? Или она избежала катастрофы, выпрыгнув полураздетой в окно?

Он вышел. Прямо напротив спальни – почти пустая комната, целиком обклеенная белой бумагой, а на ней граффити: красивые мотоциклы и машины, нарисованные цветными фломастерами. Нечто вроде художественной мастерской, где единственной мебелью была этажерка с принадлежностями для рисования: фломастеры, карандаши, ластик. Здесь полицейской ленты не было, а потому Николай уселся на пол рядом с отопительной батареей, подперев голову

руками, и поддался приступу внезапной неодолимой усталости. Желудок свело, он боялся того, что ждет его в подвале.

Подвал... Темное замкнутое пространство, как в подземных выработках. Вспышки в голове. Его подруга Камилла, распятая, со вскрытой грудью. Ее искаженное лицо, как маска из оплывшего воска... Судорога свела его тело. Он так и не смог изгнать эти картины из памяти. Даже два года спустя каждую ночь он вспоминал Камиллу, и ее изувеченное тело вставало перед глазами.

Он порылся в передних карманах, но нашел всего одну таблетку болеутоляющего. В задних карманах тоже ничего. Придется довольствоваться единственной таблеткой, которую он проглотил без воды. Потом собрал все свое мужество в кулак и спустился в подвал.

– Осторожней на ступеньках, они скользкие, – предупредил поднимающийся техник.

От галогеновых ламп было светло как днем. В самой глубине подвала, рядом с аквариумом, – сидящий в углу труп, голый, с раздвинутыми ногами и руками, спереди скрученными проволокой. Когда коп увидел, что с ним сделали, ему пришлось прислониться к стене с ощущением, что мир вокруг пришел в движение и закрутился колесом.

Камилла...

Слабость в ногах... Мушки за сомкнутыми веками... Потом темнота...

11

Николя пришел в себя, лежа на заднем сиденье полицейской машины с распахнутой дверцей; прохладный ветер обдувал лицо. Было одиннадцать с чем-то вечера. Шарко принес ему бутерброд и стаканчик с водой:

– Ветчина и масло.

– Что произошло?

– Скажем так, небольшой приступ слабости, с любым может случиться. Ты набегался в последние дни из-за Дюлака. Давай жуй.

Порывы свежего воздуха принесли облегчение. Он потерял сознание на месте преступления. Он, капитан полиции с десятилетним стажем. Николя захлопнул дверцу:

– Маньен не в курсе, надеюсь?

– Нет.

– Тело...

– Увезли в Институт судмедэкспертизы. Вскрытие завтра утром в девять. Маньен хочет, чтобы ты торчал там вместе с Люси. Я могу попросить его, чтобы...

– Не доставляй ему такого удовольствия. Я поеду.

– Ладно, поедешь. Все уже погрузились и отбыли, кроме меня и экспертов КУ. Советую и тебе последовать их примеру. Здесь больше делать особо нечего, а тебе очень не помешает поспать.

Николя развернул бутерброд.

– Я только что проспал три часа, это куда больше, чем требуется. Вам еще долго?

– Как минимум часа четыре. Мы должны до конца разгрести подвал, чтобы удостовериться, что ничего не пропустили. Нашли пулю, которая его убила, девятимиллиметровая. Она вошла в стену позади тела. Гильзу еще ищем.

Николя подошел к вытащенным предметам – половину сложили под навесом для автомобиля, остальные в углу кузова. Он устался на аквариум – воду из него вылили, но внутри еще копошился ком омерзительных пиявок.

Техник притащил огромный мусорный мешок:

– Он был за бойлером.

– А что в нем?

– Четыре картины... Вы записываете?

Техник вытащил две работы. Это была грубая живопись, скорее наброски, сделанные темно-красными и черными мазками: туземец лицом к лицу с хищником из породы кошачьих, вроде гепарда, в позе атаки, на другой – женщина, подносящая руки к открытой пасти крокодила. На заднем плане каждой картины – человеческие головы, подвешенные на лианах к ветвям деревьев. Глядя на эти головы, Шарко подумал о мобилях, движущихся подвесных игрушках для малышей, только в духе ужастика.

– Нет. Не стоит забивать протокол всякой хренью, задавать лишнюю работу техникам и перетягивать на себя весь бюджет национальной полиции, выделенный на экспертизы. Поставьте их в кузов. Мы как на блошином рынке в Сент-Уане, черт!

Николя вгрызся в бутерброд:

– Доем и вылезу. Я остаюсь.

– Говорю же, нет смысла. Нас тут и без тебя хватает, а ты...

– Мне лучше не возвращаться домой. Не этой ночью. Ты видел, что там на втором этаже? В спальне? Жертва была не одна, тут была еще женщина.

– Да, я видел. Открытое окно выходит на крышу веранды. Девчонка наверняка через него и смылась впопыхах, мы на крыше даже башмак нашли, с подошвой, как у космонавта.

Техники уже изъяли образцы. Детектор выявил наличие биологических следов на простынях и длинные черные волосы. Полагаю, волосы девушки. Отдадим на анализ ДНК. Судя по наличию крови и форме наручников, секс был довольно жесткий.

– Надо будет ее найти, эту женщину.

Шарко согласно кивнул и снова полез в подвал, весь на нервах. История со спальней выбила его из колеи. Почему ночью ему не пришло в голову подняться на второй этаж? А если Рамирес был не один в доме в момент своей смерти? Он представил себе прикованную девушку в постели и ее руки в этих любопытных зубастых наручниках. Рамирес слышит стук в дверь, но не отвечает. Люси заходит и спускается в подвал. Он застаёт ее, она его убивает. А женщина по-прежнему наверху, лежит молча.

Когда именно она сбежала через окно? Что она видела или слышала?

Предстояло еще бесконечное число ходок вверх-вниз, чтобы вытащить все, что по-прежнему валялось в подвале, – мешки со стройматериалами, инструменты. . . Николя включился в работу. Через полчаса женщина-техник попросила их подойти. Она присела в глубине подвала, метрах в двух от места убийства, перед грудой кирпичей. Шарко понял, что она нашла гильзу.

Пришел момент, когда главное было – не дать маху. Он достал из чемоданчика процессуалиста пакет для опечатывания и поспешил на зов. Оливье Фортран и Николя присоединились к нему. С помощью щипчиков женщина извлекла кусочек металла из одной из пустот.

– Гильза.

– Девятимиллиметровая, как и пуля? – спросил Фортран.

Женщина поднесла находку к свету:

– Да.

– Вот и второй кусочек пазла наконец-то. Гора с плеч.

Шарко встал между нею и остальными. Она не назвала марку. Он открыл пакет для улики, чтобы она бросила туда гильзу. Затем запечатал пакет при свидетелях и повернулся к своему чемоданчику, отметив в специально отведенной графе калибр. Он сознательно не вписал марку – в данный момент нельзя написать «Люгер», когда там гильза марки «Speer». Слишком рискованно. Поднял глаза на коллег, стоящих рядом с кучей кирпичей. Занес всю информацию в протокол – здесь тоже не указав марку – и сделал множество фотографий опечатанной улики на нейтральном фоне. На лбу проступили капли пота. Он утер их рукавом комбинезона и повернулся к маленькой группе.

Николя казался озадаченным.

– Я видел, в каком положении было тело, это странно, что гильза обнаружилась именно здесь, в двух метрах от трупа. Практически все выбрасыватели располагаются справа, и гильза должна была отлететь вправо в момент стрельбы. Ей следовало оказаться где-то там, ближе к центру подвала.

– Ты сам сказал «практически все» выбрасыватели, – заметил Шарко. – Но некоторые виды оружия делаются для левшей. Уйдя влево, гильза могла отскочить от стены и отлететь назад. Встретившись с препятствием, гильзы летят по самым непредсказуемым траекториям.

Шарко прекрасно видел, что не убедил Николя, но решил не обращать на него внимания, расчистка подвала продолжилась. Еще через полчаса техник попросил их подняться. Он держал в руках баллон с распылителем «Bluestar»¹³. Широкая флуоресцирующая полоса шла по плитке у входа в подвал, будто невидимый барьер.

– Я искал следы крови в доме. И так почти повсюду.

Они проверили разные комнаты, погасив свет, чтобы флуоресценция стала виднее. Кроме желтого яркого маршрута, проложенного пиявками, Франк и Николя обнаружили следы, которые тянулись непрерывной лентой, словно нить Ариадны. Она проявлялась на полу,

¹³ «Bluestar» – реагент, выявляющий следы крови на предметах, даже застарелые.

на мебели, вокруг диванов, на лестнице, даже на втором этаже. Спальни, ванная: везде кровавая черта, кроме комнаты с рисунками на стенах, единственной нетронутой.

– Сплошная кровавая полоса, интересно, что это такое?

– Представления не имею. Можно только сказать, что он провел ее повсюду, но совершенно целенаправленно, как кондитер, который водит шприц с кремом по тортю. А потом все смыл, чтобы не было видно. Через сколько времени и чем, определить невозможно.

Шарко зашел в комнату и оглядел граффити с машинами, этажерку с принадлежностями для рисования. Почему Рамирес не возвел кровавый барьер на пороге этой комнаты?

Они в молчании спустились обратно в подвал, пребывая в сомнениях и задумчивости. Оливье Фортран нагнулся над какими-то большими строительными мешками:

– Эти мешки были под другими, с бетоном.

Шарко и Николя посмотрели на штабель из шести упаковок с негашеной известью. Вещество, с которым копы сталкиваются, когда имеют дело с убийцами, желающими избавиться от трупов. Наваленная в большом количестве на тело, негашеная известь высушивает его и мешает разложению, а значит, избавляет от дурных запахов.

– Промышленная, судя по спецификациям. Шесть мешков – это гигантское количество.

Николя вспорол один из них своим швейцарским ножом. Набрал немного порошка на кончик перчатки и понюхал:

– Вы заметили, как паршиво выглядит сад? Вряд ли он использовал эту известь для борьбы с сорняками.

Фортран выпрямился, скрипя коленями:

– Думаешь, мы найдем захоронения?

– Негашеная известь, невидимые следы крови... Сдается мне, что придется проверить.

– Ну что за дерьмо, мы так никогда не закончим. Кофе будете? Он, кажется, еще горячий.

С полными стаканчиками в руках трое мужчин принялись бродить по саду, оставив нос в землю. Временами Фортран наклонялся, подсвечивая большим фонариком:

– Тут крапива повсюду, трудно сказать, копала жертва или нет. Я все-таки завтра утром позвоню, чтобы прислали бульдозер. Проверим.

Шарко в этот момент погрузился в совсем иные размышления: покоилось ли под землей тело Летиции Шарлан? Действительно ли Рамирес похитил ее, убил и закопал в собственном саду?

В три часа утра последние техники, совершенно вымотанные, закончили с грудой облицовочного камня, наваленного в углу. Одновременно они начали складывать оборудование, разбирать галогеновую аппаратуру. Шарко запер свой чемоданчик, закрыл на ключ дом. Опечаленные образцы были убраны. Он украдкой бросил взгляд на второй этаж. Смотрели ли оттуда глаза прошлой ночью?

Единственное утешение: гильза была у него, и никто не обратил внимания на ее марку. В конечном счете все было бы хорошо, если бы не эта история с наручниками и лифчиком.

Женщина, разгуливающая где-то, могла все пустить под откос и привести их – Люси и его самого – прямиком в тюремную камеру.

12

Люси сидела на диване в гостиной, держа в руках опломбированный пакетик с гильзой «Speer», вылетевшей из ее оружия.

– Значит, все получилось, ты это сделал?

В кресле напротив Шарко аккуратно вписывал марку «Люгер» в протокол осмотра, туда, где он оставил место. Через несколько часов он отдаст этот отчет распечатать на компьютере, заверит его своей подписью и печатью с Марианной¹⁴, имеющей уникальный номер, присвоенный каждому процессуалисту. Этот протокол станет основой всего их расследования, не внушающим сомнений документом, составленным офицером судебной полиции, принесшим присягу.

Заверенное по всем правилам клятвopеcтyплeниe.

– И концы в воду. Я уже отвез опломбированные улики на набережную Орлож¹⁵. Дальше они разойдутся по соответствующим службам, как всегда. В подвале все прошло даже лучше, чем я ожидал. Гильза «люгер» и пуля из пистолета Рамиреса попадут в руки к баллисту, и тот определит, что два данных элемента относятся к одному и тому же оружию, которое никто никогда не найдет, поскольку оно покоится на дне Сены. Единственное, что можно констатировать, – преступник убил Рамиреса из девятимиллиметрового оружия, и оно могло быть любой модели.

– А фотографии образца, найденного в подвале? На них же ясно видна марка «Speer» на моей гильзе, верно? Как же у тебя получилось?

– Я их уничтожил, а потом в нашем гараже переставил время в фотоаппарате, чтобы оно совпадало с указанным в протоколе, и сфотографировал гильзу «люгер» на нейтральном фоне, как сделал это в подвале. Проще простого.

Франк уселся рядом с подругой. Он чувствовал, что она на грани срыва, судя по ее большим синим глазам, устремленным на пакетик, как будто там содержался самый страшный вирус на планете.

– Все надежно похоронено, Люси. Тот факт, что сфотографированная и опечатанная гильза не «Speer», полностью выводит нас из-под подозрений. В твоём магазине десять патронов, все на месте. У Рамиреса техники сняли кучу отпечатков пальцев, и наших среди них точно нет, потому что мы были в перчатках. В тамошнем бардаке они не могли найти ничего интересного рядом с телом. Поисков посторонней ДНК не будет.

Люси разорвала пластиковый мешочек, достала гильзу и стала раз за разом перекачивать ее указательным пальцем правой руки по ладони левой, словно кошка, играющая кусочком сыра.

– У Рамиреса обнаружили странные вещи. Мешки с негашеной известью, следы крови повсюду, и на первом этаже, и на втором. Но не как на месте преступления, а... более осознанно, как будто кровь специально разливали у большинства входов и выходов. Утром начнут перекапывать его сад. Я почти уверен: что-нибудь там найдут. Не знаю, что Рамирес творил у себя в подвале, но там явно что-то нечисто. Ты убила не святого.

Люси еще помнила ярость Рамиреса, когда тот склонился над нею, чтобы задушить. Она повернулась к другу и обняла его:

– У него было холодное лицо, совсем не удивленное и не испуганное. Он даже ни о чем не спросил. Нет, он просто хотел видеть, как я умираю. Ты и представить не можешь, какие у него были глаза, Франк!

¹⁴ *Марианна* – изображение молодой женщины во фригийском колпаке. Символ Французской Республики.

¹⁵ На набережной Орлож в Париже расположен Дворец правосудия.

– Теперь это все в прошлом.

– Ты подставил себя под удар. И сделал это ради меня.

Шарко закрыл глаза и погладил ее по спине. Он окончательно выдохся, и морально, и физически.

– Я сделал это ради нашей семьи. Потому что мы такого не заслужили, понимаешь? Что бы ни случилось этой ночью... я все равно остаюсь отцом моих детей. А ты – их мать, которая им нужна. Тайны – тяжелый груз, но виновность куда тяжелее, она хуже кислоты. И мы не позволим ей разьесть нашу семью.

Люси кивнула:

– Знаю... Так уж устроен человек.

– Я должен сказать тебе еще кое-что. Думаю, Рамирес был вчера в доме не один.

Люси отпрянула, потрясенная.

– Девушка была прикована к изголовью постели. Скорее всего, она смогла бесшумно сдвинуть кровать, добраться до ключа от наручников и бежать через окно – без оглядки, потому что она оставила свои чулки, лифчик и даже один башмак. Учитывая тип наручников и кровь на простынях, ей здорово досталось. Что она видела? Или слышала? Когда именно сбежала? Пока мы ничего не знаем. Бог знает где ее носит.

– Господи...

– Если она ничего не сказала и не обратилась в полицию, значит она боится, верно? Или сама повязана: она наверняка знала про кошку в клетке, та ведь мяукала как оглашенная. Я отслежу это дело и ничего не упущу. А ты поедешь на вскрытие с Николя. Быть ближе к телу, а не избегать его – вот лучшее решение.

Пусть Шарко и старел, и возраст отражался на лице, взгляд его оставался прямым и твердым.

– Ты увидишь, я кое-что проделал с трупом, и не очень красивое, но только для того, чтобы это дело никак нельзя было связать с нами. Мы обманем всех, кто попытается понять. Я знаю, это сложно, но оставайся собой, Люси. Когда окажешься в зале для вскрытий, реагируй, как если бы речь шла о любом другом теле. Сохраняй дистанцию – отстраненную, процессуальную. Скажи себе, что это просто очередной труп. Ладно?

– Я постараюсь.

– Ты не постарайся. Ты это сделаешь. Обещаешь?

– Обещаю.

– Ты сама заметишь, что Николя в нелучшей форме. Он потерял сознание на месте преступления. Думаю, это из-за того дерьма, на которое он подсел, а еще из-за бессонницы. И все вместе это губит его.

– Нет никаких доказательств, что он сидит на наркоте.

– Парень, который практически не спит, никого к себе не подпускает, делает, что ему вздумается и когда ему вздумается, – тут нечего голову ломать в поисках причин. Он держится на кокаине... А еще это рефлекторное движение ноздрями, он все время шмыгает носом, будто втягивает воздух.

Он замолчал надолго с расстроенным видом, потом зевнул.

– Мне, во всяком случае, нужно поспать часа три-четыре, а то я на ногах не держусь. Потом я заеду к твоей тете и вернусь к Рамиресу на обыск в саду.

– К тете? Нет, мне надо тоже там быть, я...

– Сейчас лучше действовать по отдельности, нас ждут горячие деньки, и лишняя осторожность не помешает. Я долго думал, что ей сказать: самое правильное – признаться, что ты взялась за это дело, как она и просила, но, когда ты влезла к Рамиресу, чтобы проверить кое-какие детали, он был уже мертв. И что идет расследование силами нашего собственного подразделения, но, разумеется, никто не знает, что ты проникла в дом незаконным образом. И

что она должна держать в строжайшем секрете все, что касается расследования твоего дяди, на случай, если кто-нибудь нащупает связь, иначе у тебя будут серьезные проблемы. Конечно, она почувствует и свою ответственность, и вину перед тобой, но это лучшее, что можно сделать. Таким образом, нам гарантировано ее молчание.

Шарко взял гильзу у нее из рук.

– Самое тяжелое позади, Люси. Не упрекай себя ни в чем, ладно? Запрячем наши скелеты поглубже в шкаф и научимся с этим жить. Не ты первая и не ты последняя.

Странный огонек блеснул в его зрачках, и Люси увидела, как задрожали его губы, как если бы он готов был раскрыть ей некую тайну и в то же время сдерживался. Она взглядом задала вопрос, он покачал головой:

– Этот тип хотел тебя убить, у тебя не оставалось другого выхода. Ты спасала свою шкуру. Единственное, о чем я сожалею, так это о том, что ты не поговорила со мной до того, как все случилось.

Он вышел, а Люси осталась сидеть в задумчивости. Почему он заговорил о скелетах в шкафу? Что за странный взгляд и дрожание губ? Что он собирался открыть ей в один из самых страшных моментов ее жизни?

Люси проскользнула в комнату к спящим детям. Она любила смотреть на них вот так, в тишине, на их пухлые ручки, раскинутые по обе стороны головы, как если бы они хотели обнять всю планету. Они росли так быстро, а мир вокруг был так жесток. Кто защитит их, если ее и Франка не будет рядом? Кто поможет им взрослеть?

Она отправилась в душ, под струи пара, чтобы очиститься от всей грязи этой ночи. Вновь увидела ожесточение на лице Рамиреса... Пластик, который не давал ей дышать... И в тот момент кто-то скрывался на втором этаже... Она вылетела из-под душа с ощущением, что задыхается.

Она заставила себя успокоиться и медленно подышала перед зеркалом минуты две-три. Всего один взгляд мог выдать убийцу. Изменение в радужной оболочке, сузившийся зрачок, пульсирующий хрусталик. Глаза отражают самые глубинные движения души. Губы могут лгать, но способны ли на это глаза в нужный момент?

Она надела форменную одежду, пристегнула кобуру к бедру. Накануне Франк долго чистил ее «зиг-зауэр», уничтожая малейшие следы пороха. Настоящий педант, ни в чем не полагающийся на случай. Он часто говорил, что по совокупности безобидных деталей, оставленных на месте преступления, можно восстановить лицо преступника, как если бы оно отражалось в разбитом зеркале. Вот почему он постарался стереть все детали, даже самые незначительные.

Рядом с ним Люси удавалось сохранить уверенность. Они никогда не попадутся.

13

Двумя часами позже она парковалась на стоянке Парижского института судмедэкспертизы на набережной Рапе. Из длинного красного кирпичного здания открывался изумительный вид на Сену, хотя его постояльцам толку от этого было не слишком много. Люси вспомнила свой первый визит сюда, вместе с Франком, смущение и гордость тем, что оказалась в месте, почти столь же легендарном, как и Орфевр, 36. Ее первые настоящие трупы, истерзанные жертвы убийц, сложные случаи. Шарко был ее Пигмалионом, ее гидом в Лувре ужасов, ее служителем в храме мертвых, он всему ее научил, даже тому, как дышать в помещении для вскрытий. И спустя годы то восхищение, которое она питала к нему, к его карьере, к человеку, которым он был, оставалось неизменным.

Едва ее увидев, Николя быстро потушил сигарету. Франк имел обыкновение сгущать краски, но она в противовес готовилась предоставить молодому капитану кредит доверия. Может, он и выпивал иногда лишнего и, конечно же, сильно переменялся после смерти Камиллы, но это еще не значит, что он подсел на кокаин...

Он поцеловал ее – его дыхание слегка отдавало мятой – и помахал двумя талончиками на обед:

– Угощу тебя обедом в «Фенелоне»¹⁶ после вскрытия. Нашел их у себя в столе, когда... рылся в старых бумагах. У них в этом месяце истекает срок. Ты будешь смеяться, но мне всегда жутко хочется есть, когда выхожу отсюда. Заметь, это все-таки лучше, чем у Уха, знаешь, того парня из команды Жубера? Вот у него возникает желание трахаться. Ну, по крайней мере, так говорят.

– Слушай больше весь этот треп...

Их направили в зал номер три, в глубине коридора, мощно пропахшего выдержанной плотью. Только судмедэксперты могли со временем привыкнуть к воздуху, пропитанному испарениями кишечных газов и бактериями. Для остальных это было как прыжок на резинке с моста – первый вдох всегда вызывал приступ дурноты.

Они открыли дверь тамбура и зашли в зал, где вторая волна тошнотворных запахов ворвалась в их ноздри. Поль Шене, медэксперт, склонился над телом, ему ассистировал коллега, который составлял список образцов крови, ногтей и волос для токсикологического анализа. Сам по себе Шене выглядел как типичный среднестатистический обыватель – отец семейства лет сорока, короткие черные волосы, новенькая пара очков в зеленой оправе, – но со скальпелем в руке, облаченный в халат и белые резиновые сапоги, он походил на вивисектора.

– Я начал без вас. Измерил, взвесил, сфотографировал под разными углами. Внешний осмотр закончен, и мы начали изъятие, просто чтобы не терять времени. Как дела у Франка, я думаю, он приедет? Давненько он здесь не бывал. А ведь трупов у нас хватает.

Взгляд Люси переместился на тело.

– Думаю, он подустал от вскрытий. Поэтому при любой возможности старается увильнуть.

Она не смогла сдержать приступа тошноты. Помимо дыры в горле, на теле Рамиреса зияли раны в груди, на руках и бедрах. Он был иссечен вдоль и поперек, как хлебный багет. Николя тоже подошел ближе, успокаивая себя долгими шумными вдохами. После смерти Камиллы он стал по-другому реагировать на смерть. Любое столкновение с ней превратилось для него в настоящее испытание, и Люси знала, как он вынужден сейчас бороться с собой, чтобы оставаться на месте.

¹⁶ «Фенелон» – известный ресторан в Париже, на площади Сен-Мишель.

Вдруг он прищурился, глядя на левое бедро. Одна из ран зашевелилась, ее края начали медленно расходиться. Показалась черная блестящая спина, словно Несси всплывала на поверхность озера Лох-Несс. Шене скальпелем немного отогнул плоть, и на свет появилась пиявка. Лицо Люси покрылось перламутровой бледностью. Ей вспомнился кадр из фильма «Чужой», когда из грудной клетки одного из членов экипажа выскакивает покрытый слизью монстр. Шене заметил их смятение:

– Ох да, мне следовало вас предупредить.

Он указал на сосуд, наполненный этими червями:

– Я думал, что уже всех их вытащил. Мы фотографировали, разумеется, всякий раз, когда извлекали очередную из разреза.

Он взял наполненную кровью пиявку и положил ее на металлический стол под нос застывшему Николя, бросив тому сочувственный взгляд:

– Знаю, это не просто, даже для самых крепких из нас. И я знаю... Короче, я понимаю, что ты можешь чувствовать, глядя на тело. Но тебе и не обязательно себя насиловать. Люси здесь, мы скажем, что вы все время были вместе и...

– Все нормально. Я не могу бегать всю оставшуюся жизнь.

Ответ прозвучал как удар хлыста. Шене не стал спорить:

– Как хочешь. Тогда идем дальше: Рамиресу нанесли ножом двадцать один удар. У меня сложилось впечатление, что убийца изувечил его и вложил пиявку в каждую рану. Я не уверен на все сто, потому что шесть или семь этих мамзелей весело прогуливались по ящику в морге, когда мы извлекали тело. Но если их пересчитать, вместе с последней, оставшейся в теле, то получится двадцать одна пиявка.

Он провел острием скальпеля по брюшной стороне животного, обнажая пищеварительную систему. Струя алой жидкой крови растеклась по столу. Люси сглотнула:

– Он был жив, когда с ним это сделали?

– Я в замешательстве. С одной стороны, мне кажется, что да, поскольку пиявки не сосут кровь трупа. Но с другой стороны, края ран не кровоточат, как если бы они были нанесены *post mortem*¹⁷. Так что твердой уверенности у меня нет, это трудно определить невооруженным взглядом.

Люси попыталась преодолеть отвращение:

– Возможно... он умер потом, от ран. А пока тело коченело и кровь остывала, пиявки продолжали питаться.

– Не исключено. В любом случае мы возьмем образцы разрезов и отправим все патологоанатому. Работенки хватит, если учесть количество повреждений, так что результаты будете получать по ходу дела, в течение недели.

Эксперт указал на скарификации¹⁸ на груди. Насечки из групп по четыре вертикальные черты, пересеченные пятой по диагонали, – так делают, когда считают дни. Люси пересчитала их в уме: тринадцать. Николя строчил заметки в своем блокноте – способ не хуже других отвести глаза от трупа.

– Скарификации давние, возможно, сделаны добровольно. Имеются также на спине.

Он указал на сгиб на левом предплечье:

– Татуировки, старые следы укулов. Посмотрим, что покажет токсикология...

Он повернул тело. Новые насечки, более глубокие и многочисленные, но исполненные художественно, образовывали слова. *Blood, Death, Evil*. «Кровь», «смерть», «дьявол». Вокруг – татуировки, змеи, скорпионы, пауки...

¹⁷ Посмертно (*лат.*).

¹⁸ Скарификация (рубцевание, шрамирование) – нанесение на кожу лица и тела рисунка из рубцов и втирание в них воспаляющих составов.

– Синюшность в зоне контакта бедер, пяток и ягодич с поверхностью пола. Я видел фотографии тела в том положении, в каком оно было найдено: сидящим, с руками, связанными спереди. Соответствует. Он умер в этом положении. Следы спермы, крови и органических выделений в области полового члена, свидетельствующие о сексуальных отношениях, возможно, в менструальный период.

Николя вспомнил о пятнах крови на простынях:

– Мы полагаем, с ним была девушка до того, как его убили. Мы ее ищем.

– Кстати, о половом члене...

Он снова перевернул своего подопечного и указал на головку полового члена, проткнутую горизонтально стержнем, на котором красовалась голова козла. Николя скривился.

– Да, знаю, любому мужику становится не по себе, если прикинуть, каким образом вставлялась эта штука, – заявил Шене.

Он вернулся к горлу:

– Здесь тоже немало интересного. Эрозивный ободок характерен для очевидной огнестрельной раны. Ожог вследствие выстрела: его убийца стрелял в упор. Мы собрали образцы вокруг входного отверстия, чтобы отправить баллистикам, пороха действительно было много. Пуля вышла сзади. Смерть наступила более двадцати четырех часов назад. Вы нашли пулю?

Николя провел рукой по лицу:

– Да, и пулю, и гильзу.

– О'кей. И последнее, прежде чем я его вскрою.

Он показал на татуировку, которая занимала всю поверхность левой стопы. Крест с черными краями. В вертикальной части надпись: «*Pray*¹⁹ *Mev*».

– Это религиозный крест. Знаете, когда я был помоложе, то здорово увлекался всякими фильмами про злых духов, экзорцизмы, Сатану и психов, которые жгут распятия. А вы нет?

– Мы все их смотрели, – вздохнул Николя, терпение которого было на исходе.

– Верхняя часть креста расположена на уровне пятки. Значит, он перевернут по отношению к направлению движения и к надписи.

– Перевернутый крест... Знак сатанистов, как и голова козла на пирсинге, и *Evil* на спине.

– Что-то в этом роде. «Молись Меву», возможно, является отсылкой к какой-то сатанинской сущности по имени Мев или к другому подобному идиотизму. Один из моих коллег, Жоффрей Лурм, вращается среди готов, и он мне уже рассказывал об этих историях с крестом. Я вам дам его телефон. Перевернутый крест обращен уже не к небу, а к земле, он отсылает к падению, к нисхождению в преисподнюю. Ваша жертва размазывала голову Христа об асфальт при каждом шаге. Неплохой способ послать куда подальше христианскую религию.

Пока Николя черкал в своем блокноте, Люси застыла неподвижно, со сложенными на груди руками и пустыми глазами, словно смотрела сквозь труп. Она читала в отчете дяди, что девушка, посещавшая Рамиреса, по виду была из готов. К тому же она вспомнила про черную кошку, покрытую пиявками. Еще одна связь с дьяволом?

Поль Шене призвал на помощь коллегу, и они приступили к собственно вскрытию. Новые пробирки заполнялись образцами мочи, желчи, мышечной ткани, кожи, в то время как органы покидали тело, чтобы их осмотрели, взвесили, взяли пробы. Жюльен Рамирес был низведен до предмета изучения, первой ступеньки на пути поиска истины.

Люси засунула в карманы руки, дрожащие под грузом тайны. Она представила себе отца своих детей, одного в глубине подвала, как он кромсает тело и переносит пиявок, раздувшихся от кошачьей крови, на холодные мертвые раны человека. Как только ему в голову могла прийти подобная мизансцена? Какой смысл в подобном погружении в бездну? А еще она видела его на коленях в гараже, в синем халате, с налитыми кровью глазами, когда он жег свой костюм. В ту

¹⁹ Молиться (англ.).

ночь он больше не был копом. Он был одним из тех, других. *«Спрячем все скелеты поглубже в шкаф».*

Было около полудня, когда вскрытие подошло к концу.

– Я отслежу данные патологоанатома и токсиколога, мне интересно, когда попадаете что-то необычное. И напишу для вас заключение, если хотите.

Полицейские поблагодарили. Николя сделал глубокий вдох, выбравшись на свежий воздух, под переменчивое небо с низкими слоистыми облаками, какие бывают в сентябре, потом убрал блокнот и закинул в рот новую сигарету. Он испытывал настоящую потребность ублажить горло никотином и насытить ноздри дымом.

– Ну, что ты об этом думаешь? – бросила Люси.

– У меня нехорошее предчувствие, что с этим парнем мы еще нахлебаемся.

Николя прислонился к капоту своей машины, наслаждаясь клубами табачного дыма.

– В доме Рамиреса ни следа взлома. Они точно знали друг друга, он и его убийца. Сама подумай, ты же не накинешься так на кого-то незнакомого. Его явно хотели заставить страдать. И мучения наверняка были нескончаемыми. Он...

Николя внезапно замолк, его внутренние раны тоже кровоточили. А Люси запуталась в собственных мыслях. Вся их команда с Орфевр, 36, будет выслеживать психопата, строить ложные гипотезы, преследовать нечто несуществующее. И она в их числе: такова расплата за то, что они взяли на себя расследование. Месяцы тщетной охоты, погони и бегства от себя самой. Николя бросил едва прикуренную сигарету на землю и раздавил каблуком. Потом сунул ресторанные талончики в ладонь Люси:

– Сходи сама. Я вернусь на работу.

Забравшись в машину, он тронулся с места, даже не взглянув на нее. Один из его странных взрывков, когда он вдруг шарахался в сторону и, казалось, не выносил никакого общения. Оставшись одна посредине паркинга, Люси почувствовала, что совершенно не хочет есть. Зато очень хочет позвонить Франку, немедленно. И все же она проехала несколько километров уверенности ради и припарковалась, включив аварийный сигнал, у входа в какой-то дом на улице Сен-Поль. Набрала номер личного мобильного Шарко:

– Ты где?

– У Рамиреса. Бульдозер работает. Погоди две секунды... – (Шум мотора в трубке стал глуше.) – Пока что мы вырыли семь кошачьих трупов, покрытых негашеной известью. Только животные, Люси. Никаких следов... чего-то другого.

Кошки... Рамирес напал только на животных? Именно этим объясняется тот факт, что его фургон появлялся на улицах Атис-Мона? Может, он ездил по кварталам, выслеживая кошек, которых можно украсть? Может, он не коснулся и волоса на голове Летиции?

Голос Шарко отвлек ее от этих мыслей:

– Я съездил к твоей тете и долго втолковывал ей все то, о чем мы говорили. Сначала она залилась горячими слезами, потом дело пошло на лад. Мне удалось внушить ей, что, если она не придержит язык, ты окажешься в большой опасности. Она никому не скажет ни о расследовании твоего дяди, ни о том, что она тебя вызывала. И она счастлива, что Рамирес мертв. Так что с этой стороны можно ни о чем не беспокоиться, все чисто. А что у тебя?

– Одно из худших вскрытий, какие я только видела. Николя стало плохо, у него было ощущение, что он заново переживает все, что случилось с Камиллой. Я знаю, что это для нашей защиты, но ты зашел так далеко. Ты же его изувечил, Франк!

– Другого выхода не было, можешь мне поверить. Я должен идти, меня зовут.

Люси дала отбой, как будто мобильник жег ей руки. Она подумала о словах Шарко, сказанных утром: *«Ты увидишь, я кое-что проделал с трупом, и не очень красивое, но только для того, чтобы это дело никак нельзя было связать с нами».* В том-то и дело; а что, если

собственные действия Франка, наоборот, подтолкнули его к самой темной и скрытой стороне его натуры? Ведь это его рука резала, увечила, уродовала.

При виде того, что он сделал, Люси почувствовала, как ей все труднее отделить белого Шарко – мужчину, которого она любила, – от Шарко черного, подобия кровавого Минотавра, который искал выход из лабиринта и мрачной ночью в том подвале нашел его.

14

В восьмом часу вечера Маньен решил устроить общее собрание. День был насыщенным для каждого из пяти полицейских его группы: поисковые работы на месте преступления, просмотр и сопоставление данных из файлов, телефонные звонки. Некоторым потребовалась существенная помощь: для первичного опроса на местности и тщательного обыска дома они получили подкрепление из комиссариата Лонжюмо и нескольких бригад с Орфевр, 36, отданных в распоряжение судебной полиции. Да и различные научные отделы – трассологический, баллистический, химический, – как и токсикологическая и патологоанатомическая лаборатории, тоже не бездействовали.

Корабль шел полным ходом.

Наперекор привычке, Люси и Франк сели по одну сторону стола, по бокам от разделявшего их Робийяра с его горой мускулов, – они не хотели встречаться глазами, понимая, что это собрание станет еще одним испытанием. Ввиду исключительного характера преступления Поль Шене также присутствовал.

Маньен устроился во главе стола с пультом от проектора в руке. Он вывел на экран фотографию места преступления – дабы погрузить всех в нужную атмосферу, – потом крупный план голого тела:

– Дело Рамиреса, действие первое. Обнаружение тела вчера утром, около девяти тридцати, бригадой из Лонжюмо вследствие тревоги, поднятой из-за брошенной на краю дороги «Ауди ТТ». Дверь в дом была открыта, коллеги зашли, обнаружили вереницу пивовок, что и направило их в подвал. Совершенно очевидно, что Джек желал, чтобы тело нашли как можно быстрее.

– Джек?! – рыкнул Робийяр, с палочкой леденца, зажатой в зубах.

– Да, будем звать его Джеком. Как Потрошителя. Наш Джек немногим ему уступает. И потом, имя короткое, простое, даже ты сумеешь его запомнить. Ладно, все успели ознакомиться с протоколом осмотра, составленным Шарко? Паскаль, расскажешь нам, что известно о Рамиресе?

Робийяр положил обе руки перед собой на стол. Два настоящих оковалка.

– Жюльен Рамирес, тридцать один год, холост, детей нет. Его уголовное дело нам передали, мне еще предстоит в нем тщательно разобраться, но там, в частности, упоминается тюремное заключение с две тысячи восьмого по две тысячи двенадцатый за нападение, хранение оружия и попытку изнасилования. Его имя всплывает также в STIC в связи с подростковыми правонарушениями и сатанизмом: осквернение могил, жестокое обращение с животными и все такое прочее... После две тысячи двенадцатого в досье больше ничего нет, он исчезает с экранов радара. Вроде остепенился.

Люси не упустила ни одной мелочи из этого обзора. Франк был прав: ничто, ни в базе данных, ни в досье, не дало Робийяру возможности установить связь с делом Летиции Шарлан, Рамирес выступал там только в роли свидетеля. Лейтенант также не докопался до психиатрического прошлого Рамиреса.

– Он жил в районе Лонжюмо и работал частным подрядчиком, занимался отделкой и мелким ремонтом домов в районе Эсона. Судя по тому, что обнаружили в его спальне, у него была подружка.

Маньен продемонстрировал фотографию соответствующей комнаты.

– Девушка, которую нужно найти во что бы то ни стало. По всей видимости, она спешно сбежала через окно. Но почему не предупредила органы правопорядка? Знает ли она убийцу? Видела ли его? Жак, ты там проторчал весь день. Есть хоть какая-нибудь зацепка? И кстати, как твой живот, получше?

– Я столько времени провел в туалете, что могу точно назвать число плиток на стенах, а так нормально... Нет, ничего. Ни о ней, ни о нем. Никаких соседей, никто его не знал и никогда не видел. Только его фургончик время от времени. А раз он работал один, без помощников, я начну копать с клиентов. Уже проверил маршруты в навигаторе, – похоже, он не часто его использовал, память пустая. Я наскоро просмотрел навигатор грузовика. Та же история: пусто, можно подумать, у него была мания все стирать. Так, что еще у меня... – Он пролистал свои заметки. – Компьютера нет, мы не нашли мобильник, хотя тот наверняка был при нем, но раз он был раздет, можно предположить, что Джек унес телефон. Завтра утром я сделаю запрос разным поставщикам и выясню, был ли он зарегистрирован. Мы собрали накладные, дивиди, выписки со счета, прочие бумаги, их там куча. Потребуется время, чтобы все разобрать. То, что я заметил при беглом просмотре видеотеки, – она в основном состоит из садомазо: американская продукция, скачанная из Интернета, сайты известны как экстремальные, но ничего нелегального.

– Раскопай-ка мне это до доньшка, – бросил Маньен.

– Хорошо... Что до «ауди», я пробил номера, он купил его по случаю два года назад за гроши. Ребята сняли отпечатки с руля, ручек и багажника, посмотрим, что это даст... Вот, практически все.

Маньен кивнул и вернулся к фото жертвы:

– Рамирес огреб по полной. Порезы, пиявки и под конец – пуля в горло. Джеку мало было прикончить его как собаку. Он проявил такую извращенную изобретательность, какую редко увидишь. Использовал пиявок, которых Рамирес разводил в аквариуме, и для казни, и чтобы направить нас в подвал.

Он оглядел обращенные к нему лица, упершись ладонями в стол:

– Так, приоритет – девчонка, которая сбежала по крыше. Допросите клиентов Рамиреса, его кредиторов и найдите мне его знакомых. Тащите сюда все, что может дать нам наводку. Я постараюсь устроить так, чтобы условия «очевидности»²⁰ растянулись на несколько дней: нам будет легче провести задержания и возможные обыски. Мы должны заполучить девицу в наручниках. И отыщите мне первую жертву, ту, которую он пытался изнасиловать в прошлом, – на всякий случай.

Маньен сверился с разложенными перед ним записями:

– Поль, расскажешь нам вкратце о вскрытии?

– Завтра пришлю отчет. Токсикологические и патологоанатомические результаты будут готовы на неделе и должны дать вам представление о методе действий этого... Джека. Как я и сказал утром, я обнаружил двадцать одну рану по всему телу, и априори можно предположить, что каждая из них содержала пиявку, насыщавшуюся кровью. Что подразумевает долгую и мучительную агонию. Однако точный метод действий еще предстоит определить, а именно: ваш Джек – он убил Рамиреса выстрелом в горло до того, как начал его увечить? Или наоборот? Или и то и другое? Надо подождать результатов анализов. В любом случае тело было лишено жизни именно в этом положении в глубине того мерзкого подвала и его не перемещали.

Шариковой ручкой Маньен указал на фотографию пиявки:

– Что Рамирес творил с этими штуками в аквариуме? Просто выращивал? Этакая удивительная страсть к подобным животинам? Почему их засунули в раны? Должно же это иметь какой-то смысл. Спасибо, Поль. Ничего не хочешь добавить? Тогда не будем тебя задерживать...

Медэксперт поднялся и помахал всем рукой.

²⁰ «Очевидные» преступления – такие, которые совершаются в условиях, когда исходная информация содержит совершенно конкретные данные и о событии, и о виновном. При их расследовании внимание в первую очередь уделяется выяснению обстоятельств и мотива.

– Твой черед, Шарко, – бросил Маньен.

Шарко сдвинул кулаки перед собой, пристроив локти на стол. Вид спокойный и расслабленный.

– Нас насторожило наличие большого количества негашеной извести в подвале. Вообще-то, любители закапывать трупы в собственном саду обычно держат этот сад в запустении, чтобы отвести лишних визитеров и скрыть возможные следы на земле. С помощью бульдозера мы обнаружили десять кошачьих трупов, завернутых в биоразлагаемый пластик и покрытых негашеной известью, на различных стадиях разложения: от скелета, которому много месяцев или лет, до более недавнего времени – последняя кошка, возможно, захоронена несколько дней назад. Шесть из них черной масти, остальные слишком давние, но логично предположить, что и они тоже. Что до причины смерти – состояние тел не позволяет ее определить. Я отправил все к ветеринару, который сейчас ими и занимается.

– А улики, изъятые на месте преступления?

Шарко протянул флешку Маньену и попросил у него пульт. Прокрутил фотографии, которые сделал во время составления протокола осмотра. Место преступления, положение объектов, крупные планы опечатанных образцов. Вывел на экран пакетик с пулей, извлеченной из стены. Потом – гильзы, с ясно различимым калибром и пометкой «9 мм „люгер“».

– Мы ждем, пока поступят важные данные из различных лабораторий. Первыми завтра утром должны прислать результаты баллистики. Таким образом, мы получим информацию о пуле и гильзе, оставленных убийцей.

Щелчок пульта, смена картинки. Флуоресцирующие полосы, идущие из комнаты в комнату.

– Реагент выявил полосы крови практически повсюду, но в основном у входов и выходов. Они образовывали нечто вроде барьера, кроме входной двери и одной из комнат на втором этаже, где их нет... Кровь была нанесена на пол вполне осознанно и умышленно, как если бы перерезали горло животному, а потом протаскили его повсюду, держа за задние лапы.

– Когда ты говоришь «животное», то имеешь в виду одну из закопанных кошек?

– Да, мне это кажется наиболее вероятным.

Люси всматривалась в фотографию. Она представляла, как Рамирес размазывает жидкость по всему дому, держа в руке зарезанное животное. По полу, у ножек мебели, перед дверьми. И опять эта связь с кровью, которой уже была отмечена его жизнь еще в подростковом возрасте. С какой целью он это делал? Какую гнусность скрывало его жилище?

– Еще что-нибудь? – спросил Маньен.

Николя поднял руку. Шеф несколько секунд делал вид, что не замечает этого, снимая экран, но в конце концов ткнул подбородком в подчиненного:

– Мы все обратились в слух, Белланже.

– Люси не сказала, что у Рамиреса была татуировка на левой подошве, религиозный крест с надписью «*Prau Mev*», а также пирсинг и скарификации, некоторые из которых напоминают символы сатанистов. Я подумал, что эти черные кошки плюс информация от STIC, которую сообщил Паскаль, и размазанная повсюду кровь – тут есть чем заняться.

Шеф хлопнул в ладоши:

– Ладно, вот ты и займешься. Я сообщу прокурору. Завтра устроим планерку. Чувствую, что с этим делом у нас голова кругом пойдет. И черт возьми, приоритет из приоритетов – найдите мне эту девицу и засуньте в КПЗ!

15

После собрания Люси и Франк вернулись в Со, каждый на своей машине. В восемь тридцать вечера они наконец-то смогли обнять сыновей. Джая уже накормила их ужином и переодела в пижамы. Франк горько сожалел, что не уделял достаточно внимания своим детям. Жюль и Адриен требовали этого утром и вечером, по возвращении из школы. Если он не играл с ними сейчас, то когда он собирается это делать? А потому впервые за долгое, долгое время он привел обоих в свою комнату, осторожно вытащил из-под кровати железную дорогу, прикрепленную к доске, и продемонстрировал закольцованную железнодорожную ветку, выложенную рельсами знаменитой фирмы «Роко», правда немного запыленную.

– Я вам ее уже показывал когда-то. Но вы наверняка не помните, вы были еще совсем маленькими. Только не трогайте, ладно? Папе она очень дорога.

Близнецы растаяли при виде миниатюрного пейзажа с туннелем, тремя коровами на лугу и железнодорожным переездом. Очень аккуратно Франк взял локомотив, подул на него пару раз и поставил на рельсы:

– Его зовут Пупет.

Как только его подкормили тридцатью граммами горючего, Пупет запыхтел. Франк чуть подпихнул его, и тот покатил, как новенький. Каждый сделанный им круг вызывал у Шарко слезы, которые он пытался скрыть. Этот маленький поезд был сама невинность, обещание лучшего мира, а главное, он таил в себе воспоминания, взрывы смеха Сюзанны, его ушедшей жены, лицо их дочери, умершей при таких обстоятельствах, каких не должен пережить ни один отец. Пупет еще продолжал свое движение по кругу, а Франк оказался на дне колодца, который, оказывается, всегда был рядом.

– Почему ты плачешь, папа?

Он утер слезы – он, кто никогда не плакал.

– Пустяки. Смотрите, как он мчится.

Но тут, словно назло, Пупет стал выказывать признаки усталости, прошел еще один поворот и вдруг остановился на рельсах. Близнецы запротестовали, им хотелось еще посмотреть, как он гордо накручивает петлю за петлей. Франк долил горючего, но ничего не помогло, Пупет заупрямился. Шарко занервничал, засуетился, даже сходил за отверткой и подвинтил крошечные детали, но все напрасно.

– Мы потом еще попробуем. Папа его починит. Обещаю.

Позже он уложил сыновей и остался рядом, в темноте, слушая, как они спят. Отцовские руки рвались защитить их, словно оберегая маленькой живой огонек.

В конце концов он присоединился к Люси, они поужинали без аппетита, не чувствуя вкуса. Трудно было не думать о деле и предстоящих тягостных днях, когда им придется носить лживые маски.

Они заснули на диване за каким-то нудным телефильмом, хотя обычно, столкнувшись с подобным расследованием, они бы уткнулись в отчеты. Телефонный звонок вырвал их из сна около полуночи. Люси подскочила, Шарко заворчал, как старый медведь. Это был его рабочий мобильник.

– Белланже... Чего ему надо?

Он снял трубку и быстро закончил разговор, явно встревожившись. Потом направился к вешалке:

– Он у Рамиреса. Что-то там нашел.

Люси побелела:

– Что? И что он там забыл в такое время?

– Представления не имею, и мне это действует на нервы. Он просто просил приехать.

Перед тем как выйти, он обернулся с серьезным видом:

– Мой локомотив Пупет сломался и отказался двигаться. Впервые за тридцать лет.

16

Франк вел машину, а рядом примостилась тревога. В лучшие свои времена Белланже был великолепным копом, педант с чутьем зверя, который отлично уловил суть их работы: главное – вцепляться в детали, на которые остальные не обращают внимания. Типа задаться вопросом о положении гильзы и никогда не отступаться от следа, в который веришь, даже несмотря на начальственный гнев. Что он обнаружил у Рамиреса среди ночи?

Когда Шарко подъехал, Николя курил у входа, подняв ворот плаща. Всякий раз при виде Белланже у Франка в голове возникал образ опустившегося копа, которого сыграл Брэд Питт в фильме «Семь» Дэвида Финчера.

И справа и слева сад превратился в череду земляных холмиков – следы работы бульдозера. Шарко погасил фары и выбрался из салона, мрачнее тучи:

– А до завтра подождать не мог?

– Ты стареешь.

– У меня, между прочим, семья есть.

– Верно, ты везучий, что да, то да.

Николя щелчком отправил сигарету в одну из земляных ям и показал ключи от входной двери:

– Я позволил себе забрать их с твоего стола.

Шарко задался вопросом, возвращался ли вообще Николя домой после собрания, устроенного Маньеном. Может, он остался на работе один, приглушил свет и сидел с кокаином в глубине носовых пазух, лицом к лицу с фотографиями трупа Рамиреса и своими давними призраками. Франк кивнул на грубо сорванные пломбы:

– Мог бы и поаккуратнее.

– Ты и впрямь постарел. Ладно, шевелись, все самое интересное наверху.

Они начали подниматься по лестнице. Капитан полиции протянул ему пару латексных перчаток.

– Ближе к вечеру я созвонился с коллегой нашего Шене, тем, который крутится среди готов. В моем пересказе это звучит слегка карикатурно, но черные кошки связаны с оккультной магией, колдунами, сглазом, а главное – с сатанизмом. Их используют самыми различными способами, чтобы вызвать дьявола во время проведения ритуалов. Их приносят в жертву Сатане. Сжигают, мучают. Их долгие вопли привлекают демонов.

– Полная чушь.

– Но не для Рамиреса, по всей видимости, и не для тех долбанутых и их мини-сект, которые еще существуют в наши дни. Пирсинг на головке члена с сатанинским символом, его называют *ампалланг*, главным образом используется как опознавательный знак. Я попытался выяснить, что означают слова «*Pray Mew*». «Молись Мев» или «Молитесь Меву». Трудно найти точную информацию о «Мев», слово слишком общее и слишком короткое, я подумал... может, какое-то божество, демон или вожак своры.

– Но ты ничего не нашел.

– Нет. Одно точно: даже загремев на четыре года, Рамирес никогда не порывал с сатанизмом. Напротив, сидя в камере, он, вероятно, с еще большим пылом предался в руки шайтана. С тем медэкспертом-готовом я также поговорил о следах крови, полосах перед дверьми. По его мнению, такие ритуалы разливания крови практикуются во многих местах, где бытует вера в колдовство. Перерезают горло домашним животным, как правило курам, и размазывают кровь перед входами или вокруг тех мест, которые важны по жизни. Эти преграды предназначены для защиты домашнего очага и самих домочадцев от злых духов, особенно от дьявола.

– О'кей. Допустим, Рамирес всегда сидел по уши в этой бредятине, вроде дьявола и компании, а тюрьма только подбавила жару. Но то, что ты мне рассказываешь, парадоксально. Если Рамирес сатанист, он не отталкивает дьявола, он его призывает.

– Именно. Нет барьера из крови ни перед входом в дом, ни... – он остановился перед закрытой дверью, – в этой комнате. Он не запрещает дьяволу проникать к нему, наоборот. Он ведет его в эти четыре стены.

– На случай, если дьявол забыл свой навигатор и заблудился.

Николя позволил себе легкую улыбку, что было слишком большой редкостью на его лице.

– Помнишь граффити с мотоциклами и машинами на стенах этой комнаты? Не такая уж сатанинская атмосфера эти граффити, верно? От субъекта, который разливает кровь по всей халупе, убивает черных кошек, оскверняет могилы в семнадцать лет, ожидаешь скорее рисунков пентаграмм, перевернутых крестов, трех шестерок и прочей хрени в таком духе.

Николя открыл дверь. Он сорвал обои с граффити и обнажил безумную фреску во всю стену, тщательно выписанную во всех деталях. Необычайно точные рисунки были выполнены черной тушью, не без таланта. Два крылатых монстра, мохнатых, с мордами волков и свисающими языками, отрывали женщин и мужчин от их семей, их когти вцеплялись в беспомощные руки. На заднем плане огромный алый монстр поглощал маленькие фигурки.

– Почему он спрятал эту фреску за обоями? Что она изображает?

Шарко не ответил, внутренне потрясенный: он не мог оторвать взгляда от одного из лиц, с колечком в носу, короткими курчавыми волосами, глазами... Летиция Шарлан была там, прямо перед ним, в ее левую руку вцепился самый агрессивный монстр. Он хотел увлечь ее к большому голодному дьяволу.

Франку пришлось сделать над собой усилие, чтобы ничего не сказать и сохранить на лице лишь легкое удивление. Летиция и ее улыбка, которую сожгло пламя, должны остаться только в его голове. Если дьяволы унесли ее, а она действительно существовала, значит ли это, что то же самое случилось с остальными персонажами фрески? Соответствуют ли они реальным людям?

Мужчины встали на середину комнаты, окруженные пространством безумия, чистой одержимости, осязаемого страдания. По своей простоте это место напоминало жертвенный алтарь, средоточие поклонения дьяволу. Коп почувствовал, как ледяная рука прошлась по его спине и вдоль позвоночника. Он вздрогнул. Николя заметил, как его коллега сжался:

– А, ты тоже его почувствовал...

– Кого?

– Небольшой сквозняк.

Николя похлопал его по плечу:

– Иди посмотри.

Шарко направился вглубь комнаты.

– Я еще передвинул этажерку... Вот отсюда сюда. И смотри, что под ней.

Он сдвинул этажерку в сторону, присел и поднял люк, вырезанный в полу. Из тайника достал два удостоверения личности. Фотографии соответствовали лицу Рамиреса, но на одном значилось «Жюльен Форже», а на другом «Жюльен Пуа». Даты рождения одинаковые. Удостоверения были хоть и качественно сделанной, но фальшивкой. Потом Николя протянул ему толстую цепь с круглым металлическим ошейником, покрытым засохшей кровью. И мотнул подбородком в сторону, куда-то позади Шарко:

– Трубы рядом с отопительной батареей... Слегка погнуты. И краска облупилась, если приглядеться.

Шарко пошел глянуть:

– Как если бы кто-то сидел на цепи.

– По всей видимости, здесь держали пленника.

Николя достал также нечто вроде деревянной стойки, в которой находилось тринадцать пробирок. Шарко осмотрел их: каждая была до середины наполнена светлой прозрачной жидкостью, похожей на воду. Он хотел вынуть из одной пробку, но Николя сжал его запястье:

– Лучше не открывать, пока не узнаем, что это.

Белланже смотрел на него очень серьезно. Шарко поставил стойку перед собой. Почему Рамирес спрятал ее с такой тщательностью? Капитан полиции достал оттуда же длинный картонный свиток. Внутри – калька размером с вывеску на автобусной остановке, Шарко развернул ее. На ней ничего не было, кроме тринадцати точек, нанесенных черным фломастером и распределенных по всей поверхности.

– Тринадцать точек, которые на кальке ни о чем не говорят, тринадцать пробирок. А еще было тринадцать групп из скарификаций в форме черточек на груди Рамиреса. А если ты внимательно пересчитаешь на фреске...

– Тринадцать человек, которых уносят два дьявола к третьему, самому большому. Восемь женщин и пятеро мужчин.

Чувствуя себя не в своей тарелке, Шарко принялся фотографировать мобильником. Троица дьяволов наблюдала за ним. Они высовывали длинные красные языки под дымящимися ноздрями, тащили Летицию и других во мрак. В самой глубине черепа коп слышал их жадный смех и вопли пленников. Был ли сам *Мев* тем красным дьяволом, в два раза больше и мощнее других, который, казалось, всем дирижировал и питался человеческой плотью? Где Летиция? Что с ней случилось? Почему именно она?

Закончив, Шарко выключил свет. Комната погрузилась в полную темноту. Мрак столь губительный, что оба копа похолодели от ужаса.

17

Назавтра, около девяти утра, Франк и Люси отправились в Управление на одной машине. С осунувшимися лицами и траурным настроением. Люси пришлось приналечь на косметику, чтобы скрыть последствия ужасной ночи. Фотографии, сделанные Шарко своим телефоном. Зрелище тщательно выписанных кошмаров, лиц в слезах, раздвоенных языков. Настоящая сцена оргии, но еще и насилия, ненависти, ужаса. Что хотел сказать Рамирес своей фреской?

Всю дорогу Франк не уставал повторять, что они должны следить друг за другом, поддерживать, быть единым целым, а главное – никогда не произносить имени Летиции Шарлан. Забыть ее лицо. Она была одним из их уязвимых мест. Достаточно малейшей ошибки, ляпа, неправильной реакции, и конец им обоим.

Но как забыть такое лицо? Дьяволы бились и внутри Люси. С одной стороны, следовало молчать, а с другой – ее жгла потребность понять, разрешить загадку, найти молодую женщину, возможно еще живую. Потому что в этом заключалась ее работа, ее убеждения. Потому что это вписано в ее ДНК копа, и если она добьется успеха, возможно, совесть ее успокоится.

К их приезду на работе уже кипела жизнь. Знакомая картина: каждое новое дело вызывало прилив возбуждения, уже стекались данные от различных запрошенных служб. Шарко всегда сравнивал первые дни с началом охоты: они были сворой взвинченных звуком рога псов, которые бросались преследовать добычу. С той существенной разницей, что на этот раз добычей были они сами.

Он поставил рядом со своим компьютером недавнее фото сыновей. Люси поступила так же. Дети были их понюшкой кокса, их невидимым уговором, залогом их молчания. Близнецы помогут им продержаться.

– Пришли результаты анализа ДНК по корням черных волос, найденных в постели Рамиреса, – объявил Робийяр. – Они точно женские, но во FNAEG²¹ ничего нет. Девушка в наручниках по-прежнему невидимка и по-прежнему в бегах.

Тихое облегчение для Шарко. Народ входил и выходил – одни документы отксерить, другие отыскать, тех и тех обзвонить. Леваллуа вернулся к своим обязанностям процессуалиста и отбыл на сбор улики в комнату с фреской. Франк исподтишка наблюдал за каждым членом команды, который отвечал на очередной звонок и записывал новую информацию: живот постоянно сводило от страха, что объявится свидетель (*«Мне кажется, я вспомнил, как молодая женщина спустила мину прямо у дома того типа»*) и поставит под удар их будущее – его и Люси.

Но настоящий кошмар начался после звонка в десять сорок. Когда Николя ответил баллистику и долго с ним говорил, расхаживая туда-сюда. Шарко сразу понял, что чувство, которое мучило его с самого начала, – сомнение, не забыл ли он какую-нибудь первостепенную деталь в ту ночь, – было связано именно с гильзой. Эта проклятая оловянная трубочка создала слишком много сложностей и потребовала слишком много усилий.

А когда Николя связался с жандармерией, осведомился о текущих делах и записал номер телефона, Франк почувствовал, как кровь отливает от лица. Он обменялся с Люси отчаянным взглядом.

Дело было не в забывчивости, а в ошибке. Незначительной или серьезной? На данный момент понять невозможно. Как бы то ни было, благодаря характеристикам найденных боеприпасов – царапинам, точке удара – стало известно, что пистолет, которым убили Рамиреса выстрелом в горло, фигурировал также в двух других делах. Первое было давним, ограбление в мини-маркете.

²¹ FNAEG – автоматизированная национальная база генетических данных. – Примеч. авт.

Второе касалось убийства.

18

Полицейский «Пежо-306» наматывал асфальтовую ленту в направлении Лооза, затерянного городка километрах в тридцати от Осера. Йонна²², край пламенеющих лесов, отливающих золотом полей и мощных оленей, наследников долгих веков травли, способных сплющить вам капот на ближайшем повороте. Сейчас, в начале осени, природа чуть успокоилась – в отличие от Шарко, вынужденного все держать внутри, быть любезным и делать вид, что его радует обнаруженный след, который на самом деле походил на предвестника вернувшегося кошмара. Он практически не вымолвил ни слова за всю дорогу, а на Белланже по части беседы можно было не рассчитывать. На протяжении последних месяцев двое мужчин все больше отдалялись друг от друга, и темы для разговоров иссякли. О чем им было говорить, если у одного было все – жена, дети, дом и кусочек счастья, а у другого ничего?

Николя съехал с шоссе А6 и минут десять петлял по дорогам, ведущим, казалось, на край света.

– Судя по навигатору, мы почти приехали. Я сказал, что будем к часу, так что мы на час опоздали. Не страшно.

Он искал старую водонапорную башню, следуя указаниям, полученным по телефону. Шарко углядел ее в просвете между деревьями, туда вела заросшая грунтовая колея. Они припарковались за машиной жандармерии, из которой вылез широкоплечий мужик, затянутый в уставную форму, в рейнджерских ботинках и темно-синем кепи. Он держал в руках два фонарика и папку на резинке. Обменялись крепкими рукопожатиями.

– Капитан Жак Сосей, дижонский отдел расследований.

– Капитан Белланже, это я говорил с вами по телефону. Извините за опоздание. А это лейтенант Шарко. Странное местечко для встречи, не находите?

– Встретиться на месте преступления – лучший способ сразу поладить. Идите за мной. И возьмите фонарь, он вам понадобится.

Белланже сохранил свои рефлексии лидера команды, хотя с точки зрения иерархии в группе Шарко был старшим. Но Франк пустил дело на самотек. Они двинулись по дороге. Водонапорная башня была видна, но находилась в нескольких минутах ходьбы.

– Что ж, у вас и у меня есть нечто общее, – заключил жандарм. – У каждого из нас имеется пуля и гильза калибра девять миллиметров, у которых одинаковые баллистические характеристики согласно поисковой системе CRIBLE. Значит, они были выпущены из одного оружия.

– Совершенно верно. И эти идентичные патроны являются связующим звеном двух дел. Мы ищем одного и того же убийцу.

Шарко молчал, шагая рядом. Он-то знал обоих убийц: с одной стороны, Люси прикончила Рамиреса, с другой – Рамирес убил жертву из водонапорной башни. Какой кошмар – видеть, как коллеги возводят здание своих расследований на фундаменте ложных гипотез.

– Может, вы первый? – предложил Николя.

– Отлично. Сначала история оружия. В январе две тысячи десятого использовано во время пустякового налета на мини-маркет в парижском предместье. Преступник, некий Алекс Жамбье, выстрелил один раз в потолок, чтобы нагнать страха, что и позволило полицейским заполучить пулю и гильзу, а значит, внести технические данные в базу. Того парня арестовали через две недели после его художеств. Он уже успел сбить ствол, но смог его с точностью описать: американский «Хеклер-Кох Р30», характеристики которого обнаружили в баллистической базе. Замечу, что сейчас, когда я с вами разговариваю, Жамбье еще в камере, его прихва-

²² *Йонна* – департамент на востоке Франции, часть Бургундии. Административный центр – город Осер.

тили за торговлю наркотиками несколько месяцев назад, и никакого отношения к моему делу об убийстве он не имеет. Мы пробовали поискать, через чьи руки мог пройти пистолет, но все напрасно. Его следы безнадежно затерялись.

Они подошли к зданию в форме гриба, построенному из бетона, который был изъеден до сердцевины плющом, крапивой и кустарником. Бесхозная развалина под открытым небом. Вампировали даже ветви соседних деревьев, облепив ее листьями.

– А теперь об убийстве... К нам обратились недели две назад, пятого сентября. Пара молодых ребят, которые любят бродить по всяким заброшенным местам и фотографировать, обнаружила тело. Они немедленно сообщили в жандармерию Жуани, это в нескольких километрах отсюда. Учитывая серьезность преступления, дело сначала перешло в Осер, а потом к нам, в Дижон.

Цепь с висячим замком, ключ от которого имелся у Сосея, перекрывала большую ржавую дверь, ведущую в башню. Ленты с пломбами, которыми жандармы опечатали вход, болтались, отклеившись из-за влажности.

– Эту башню забросили больше десяти лет назад, можно сказать, уже лес вокруг вырос. Доступ был запрещен, разумеется, поскольку представлял опасность. Надеюсь, вы в хорошей спортивной форме, тут высоко карабкаться. И прижимайтесь к стенам, держаться не за что.

Луч фонаря высветил впечатляющую внутреннюю структуру. Широкие ступени спиралью шли вверх, вплотную примыкая к серой стене без перил. Узкий цилиндр уходил ввысь, таящий опасность, подобно смертельной ловушке. И чем выше они поднимались, тем сильнее Шарко ощущал, как ни парадоксально, что он погружается в ложь.

– Мы полагаем, что жертва была жива, когда поднялась наверх, безусловно под угрозой оружия, которое и стало причиной нашей встречи.

– Что вас заставляет так думать?

– Трудность подъема, а главное – истязания, вы увидите. Убийца искал уединенное место, где он мог бы держать все окружающее под контролем и не торопиться. Потому что времени ему потребовалось много.

Они дышали все тяжелее. Преодолев сотню ступенек, трое мужчин пролезли в люк и оказались на верхней площадке башни. Только небольшая дыра в бетоне, под подошвами Шарко, позволяла различить головокружительную винтовую конструкцию, которую они только что преодолели. Жандарм Сосей высветил фонарем следы крови, еще видневшиеся на полу:

– Тело нашли здесь.

Присутствие крови сводилось к вееру брызг, разлетевшихся повсюду. Капитан Сосей раскрыл свою папку на резинке и протянул Николая фотографии. Тот молча просмотрел их под лучом собственного фонаря. Шарко тоже глянул. Каждое движение и каждое слово отдавались от стен.

– Жертве выбили зубы, выстрелили прямо в лицо, отрезали последние фаланги пальцев, чтобы сделать невозможной любую идентификацию. Следы истязаний по всему телу, сигаретные ожоги на гениталиях. Жертва намучилась. Часы на запястье были разбиты, мы нашли мелкие осколки циферблата на полу. Повезло, что с нами нечасто случается, – и эти осколки позволили нам установить точное время смерти. Часы указывали тридцать первое, двадцать три пятьдесят. Тридцать первое августа, по словам медэксперта, потому что тело было бы в куда худшем состоянии, если бы лежало здесь и гнило весь август. На данный момент оно находится в холодильнике дижонского морга, и мы до сих пор не знаем, кто это. Мужчина лет тридцати пяти – сорока, телосложение среднее, глаза голубые, волосы каштановые, европеоид, большое родимое пятно у шеи.

Шарко просматривал снимки один за другим, лицо его скрывала темнота. Труп, в вертикальном положении, голый, казалось, сдулся изнутри. Татуировки на торсе, правом плече и

правой икре. Запястья связаны над головой веревкой, закрепленной на свае, вбитой в стену. И действительно, большое красное пятно в области горла.

– Убит тридцать первого августа, найден пятого сентября, – бросил Шарко. – Но выглядит труп не недельным, а намного более давним. Он словно пергаментный.

– Да, по двум причинам. Во-первых, из-за винтовой лестницы и дыры здесь постоянный сквозняк, гуляющий по всей башне и мешающий размножению бактерий, а значит, и быстрому разложению. Во-вторых, в теле не осталось ни единой капли крови. Полное опустошение. На вскрытии сердце оказалось практически сморщенным и маленьким, как сухая губка.

Франк и Николя обменялись снимками. Шарко вспоминал, что Люси говорила о Рамиресе. О его пребывании в психиатрической больнице из-за одержимости кровью и о том, что произошло во время покушения на изнасилование в две тысячи восьмом: он порезал до крови плечо жертвы и лизал рану.

– Еще есть гематомы на ребрах, характерные для массажа сердца. Как если бы убийца хотел заставить сердце качать кровь до последнего.

– Как ему удалось обескровить тело?

– Это как с циркулирующей воды, которая наполняет радиаторы в доме. Перережьте трубу в одном месте, и вода вытечет сначала под давлением, а потом просто под действием силы тяжести. Убийца сделал разрез на левом предплечье, которое ближе к сердцу, вытащил артерию, лучевую, и разрезал ее пополам, а потом прямо туда вставил канюлю – такую пластиковую штучку, – чтобы развести края и поддерживать сильный ток крови.

– Чисто медицинский подход.

– Верно. Думаю, он подставил бак или ведро. Потому что наши техники обнаружили очень мало крови вокруг. Чтобы компенсировать потерю и поддерживать давление, сердце начало биться быстрее, пока не исчерпало возможность полностью наполняться. Дальше – остановка сердца, которую и пытался максимально оттянуть убийца, делая массаж: он помогал сердцу держаться.

Николя представил себе сцену: подвешенная живая жертва, палач, который рассекает плоть и начинает собирать драгоценную жидкость в сосуд, давление на грудную клетку, чтобы отсрочить смерть.

– Медэксперт думает, что только потом он вскрыл артерии на ногах, чтобы получить и ту кровь, которая скопилась там под действием силы тяжести. Он не хотел потерять ни капли. Вся операция должна была занять около часа. А затем он сделал так, чтобы жертву невозможно было опознать, и снес ей пол-лица пулей. И ушел.

Николя остановился на фотографии с крупным планом спины жертвы, освежеванной на уровне лопаток. Он передал снимок коллеге и глянул на жандарма:

– Вы знаете, почему здесь была изъята кожа?

– Это одно из неизвестных.

– У нашей жертвы из Лонжюмо были насечки именно на этом месте. Они означали *Blood, Evil, Death...* Вы ничего не заметили на подошве? Никакой татуировки?

– А как же, гляньте на фото. Там тоже срезан кусок кожи. А еще медэксперт обнаружил два отверстия в половом органе в области головки.

– У него был пирсинг, как у Рамиреса.

– Значит, обе жертвы были очень близки?

– Возможно, они принадлежали к одной группе, – отозвался Франк. – «Pray Mev». По всей вероятности, Рамирес был сатанистом. Судя по всему, ваша жертва тоже, и все было сделано, чтобы стереть любые отсылки к «Pray Mev». А что насчет профиля убийцы?

– Без сомнения, обладает медицинской подготовкой. Он знал, где вскрывать, чтобы наиболее эффективно обескровить тело. Вокруг чисто. И потом – массаж сердца, а еще эта канюля, такое не купишь в супермаркете на углу.

Шарко с трудом мог представить себе, чтобы Рамирес оказался способным на подобные почти хирургические действия, – достаточно вспомнить бардак в подвале и жалкое состояние его дома. Парень отсидел в тюрьме, потом каждый день на стройке возился по локоть в краске и клее. Но с другой стороны, были еще его рисунки – точные, свидетельствующие о терпении и определенном мастерстве. Разведение пиявок и хирургические инструменты... Стертые маршруты в навигаторе... Очевидная осторожность и внимание к мелочам. К тому же, если их было двое, это становится единственным объяснением похищения Летиции Шарлан в тот момент, когда Рамирес работал на стройке. Двое похитителей, двое убийц.

– Зацепки?

– Небогато. У жертвы следы жира и терпентинового масла на локтях и ступнях и отметины от веревок на щиколотках, хотя ноги у него не были связаны, когда нашли тело. Возможно, его держали много дней в каком-нибудь гараже или на складе до того, как привезли сюда. Мы прочесали все данные об исчезнувших в регионе, ничего явного, тем более что у нас нет лица. Ни следа ДНК убийцы или его отпечатков, ни свидетеля, ничего, что позволило бы нам быстро продвинуться. Другими словами, ваш звонок сегодня утром прозвучал для нас чертовски благой вестью. А теперь расскажете мне поподробнее, что у вас?

– Сначала спустимся...

Трое мужчин гуськом проследовали вниз по винтовым ступенькам и выбрались на вольный воздух у подножия водонапорной башни. Шарко сделал большой глоток кислорода, пока Николя вытряхивал сигарету из пачки и предлагал другую Сосею, который жестом отказался. В свою очередь Николя досконально описал все их находки: мизансцену, устроенную убийцей для того, чтобы тело было обнаружено в кратчайшие сроки. Подвал, место преступления, раны, пиявки, связи с сатанизмом. Девица, присутствовавшая в момент преступления и затем испарившаяся.

Шарко в это время задумчиво оглядывал окрестности. Верхушки деревьев раскачивались под ветром, лес словно вглядывался в его нутро большим черным оком. Почему Рамирес выбрал столь необычное место в департаменте Йонна? Почему в ста километрах от своего дома? Держал ли он жертву у себя в подвале перед тем, как привезти сюда? Или он привязал ее к батарее отопления в комнате, посвященной дьяволу?

Капитан Сосей рассудил, что в их общих интересах начать сотрудничество и продвигаться дальше совместными усилиями. Они договорились, что сегодня же к концу дня обменяются частью данных, заручившись согласием начальства. Трое мужчин распрощались и разъехались на шоссе Аб: полицейские направились в одну сторону, жандарм в другую.

Возвращаясь в Париж, Шарко пришел к выводу, что его собственная ситуация не так уж катастрофична: полиция разыскивала убийцу, владельца девятимиллиметрового «Хеклер-Кох Р30», американского оружия, из которого совершенно омерзительным образом убили Рамиреса и типа в водонапорной башне. И точка. В силу сложившихся обстоятельств этого убийцу никогда не найдут просто потому, что такого не существует.

Но его мозг копа не мог не задаваться вопросом о мотивах Рамиреса. Почему убийство такое варварское? Кем была жертва и что такого сделала, чтобы заслужить подобную кару? Какую роль играла во всем этом Летиция? Николя наверняка задавал себе частично те же вопросы, учитывая, как он смотрел на дорогу, не говоря ни слова. Безусловно, он начал искать дополнительные связи между двумя делами.

В тумане этого безумного расследования только одно в конечном счете доставляло Франку истинное удовлетворение: Люси отправила на тот свет законченную мразь.

19

Летучка, проведенная где-то в середине дня, оставила почти всех в некоторой растерянности – особенно это касалось пометок, сделанных маркером на большом белом листе, прикрепленном к доске. Два жестоких убийства с промежутком меньше месяца, связанные единственной тоненькой ниточкой: девятимиллиметровые пуля и гильза, вылетевшие из одного и того же оружия, «Хеклер-Кох Р30», подразумевали одного и того же убийцу. Предвещало ли это начало серии кровавых убийств? Преследовали ли они убийцу, который нанесет новый удар в ближайшие недели? Вопросы возникали один за другим.

Кончиком фломастера шеф отслеживал свои заметки на листке:

– Если некоторые элементы очевидным образом связывают два дела, другие в эту логику не укладываются. Для начала точки соприкосновения: убийства совершены с варварской жестокостью и обе жертвы – молодые люди. Каждый раз – истязания, наручники, безусловно, поддержание жизни до момента выстрела в упор. Уединенные замкнутые пространства: в одном случае подвал, в другом – водонапорная башня...

– Со спины жертвы из водонапорной башни и его левой ступни была содрана кожа, – добавил Николя. – Без сомнения, там были скарификации и татуировка с крестом, как у Рамиреса, и их постарались убрать.

– А что с этой надписью, «Pray Mew», по-прежнему никаких идей?

– По просьбе Николя я все перерыл, – вступил Робийяр. – Названия группировок, городов, имена людей, я прочесал весь Интернет, в том числе форумы сатанистов. Эти типы молятся всему, что только можно вообразить, кроме неких Мевов. Даже ребята из CAIMADES²³ сели в лужу. Если такая группа и существует, она нигде не засветилась.

Маньен с недовольной гримасой, которую и не пытался скрыть, ткнул в кипу бумаг:

– Ладно, тут для каждого по экземпляру основных материалов по делу в водонапорной башне, присланных жандармами, их только что распечатали. Данные вскрытия, баллистики, токсикологии... Я включил в рассылку Шене и нашего баллистика, им не помешает быть в курсе убийства в Йонне, пусть посмотрят. Я также начал закидывать удочки жандармам по поводу нашего дела. Завтра я буду на собрании в Дижоне вместе с ними, посмотрим, как лучше действовать, кто чем рулит в этом дерьме. Так, после точек соприкосновения перейдем к различиям. Их тоже немало.

Он пронумеровал детали на доске:

– Рамирес убит у себя дома в отличие от анонима, которого прикончили в уединенном месте. В случае Рамиреса – сознательное намерение сделать так, чтобы мы обнаружили труп, тогда как тело в Йонне, скорее, старались скрыть и оставили гнить. Опознание одного постарались сделать невозможным, но не другого. Различный способ действий, гм... промежуток между двумя убийствами... Что еще?

– Прослеживается что-то вроде эволюции в поведении убийцы, – заметил Шарко. – Сначала Джек прячет жертву и превращает ее в анонима. Тремя неделями позже, в ста пятидесяти километрах оттуда, он словно подносит нам труп на блюде. Каковы его мотивы? Мечь? Может, он пошел путем крови? Известно, что Рамирес не был святым. Может, Джек хотел заставить его заплатить за давнее преступление? Была ли анонимная жертва того же поля ягодой, что и Рамирес? Может, Джек сделал ее неузнаваемой, потому что обе жертвы были слишком очевидно связаны с ним самим? С его собственным прошлым? Принадлежит ли и он тоже к «Pray Mew», или он совершенно не имеет к этому отношения?

²³ CAIMADES – отдел содействия и вмешательства в случаях сектантских отклонений, размещен в Центральном бюро по борьбе с жестоким обращением с человеком. – *Примеч. авт.*

– Он оставляет девятимиллиметровые пулю и гильзу на местах преступлений, – добавила Люси. – Несмотря ни на что, можно предположить, что он хочет, чтобы связь между двумя делами была установлена. Боюсь, на этом он не остановится. Как сказал Франк, он идет своим путем.

Люси сама удивилась своей способности нести чепуху.

– Наша задача взять его до того, как он снова примется за свое, – заметил Маньен, глянув на часы. – Еще что-нибудь?

Жак поднял руку:

– К вопросу о Рамиресе: мы не нашли телефона, зарегистрированного на его имя, однако у него был мобильник, номер которого я получил от одного из его клиентов. Он пользовался предоплаченной картой. Тут пусто.

– Еще раз напоминаю об осторожности.

– Мне удалось связаться с девушкой, которую он пытался изнасиловать, – добавил Паскаль Робийяр. – Она живет в Марселе и была в Испании в деловой командировке, когда его убили. Я долго говорил с ней, и она упомянула кое-какие интересные детали. Во время процесса над Рамиресом суд вызвал в качестве свидетелей нескольких экспертов-психиатров. До нападения обвиняемый провел некоторое время в психиатрической клинике. Больше она ничего не могла рассказать. Но я пошлю запрос в окружной суд Бобиньи, где слушалось дело, чтобы получить копию стенограммы процесса.

– Отлично.

– А что до счета в банке, то нет ничего особенного. Он хорошо зарабатывал, наверняка принимал левые заказы и подписал кредит на «ауди» и мотоцикл. Так что с этой стороны все вроде бы чисто. Да, и последний момент: у него был абонемент на Интернет, но он расторг контракт три года назад. Больше он не подключался. Это соответствует тому, о чем ты говорил, – похоже, этот тип был крайне осторожен и не хотел оставлять никаких следов.

Маньен одобрительно кивнул:

– О'кей. Вы просмотрите все бумаги жандармов, дальше будете работать по своей линии, раскопаете психиатрическое и тюремное прошлое Рамиреса и будете пинать ученых, чтобы они не тянули с результатами. Мы только что закончили крупное дело, но каникулы откладываются. Вы мне нужны на все сто процентов. Берите столько полицейских, сколько понадобится, чтобы оказать вам поддержку, все за счет заведения.

– Экое раздолье, – пробормотал Николя сквозь зубы.

– Именно, Белланже. Наверху дали понять, что от нас ждут результатов.

Маньен собрал свои записи и вышел. Николя отсалютовал ему вслед вытянутым средним пальцем. Копы тут же вернулись к работе, доска на подставке, исчерканная наиболее важными данными, осталась стоять посреди комнаты. Около половины восьмого вечера комната начала пустеть. Сначала отбыл Робийяр, за ним Леваллуа. Франк и Люси решили на этот раз остаться подольше, как они делали обычно при начале нового дела. Нельзя допустить, чтобы кто-то заметил изменение в их привычках и хоть что-то заподозрил.

Интуиция не давала покоя Франку с того момента, когда капитан Сосей обмолвился о терпентиновом масле. Он внимательно прочел токсикологический отчет, написанный экспертами жандармерии, и нашел соответствующий параграф: это вещество было обнаружено на предплечьях, шиколотках и в волосах трупа из водонапорной башни. В отчете пояснялось, что речь идет о растворителе для жира и масел, часто употребляемого для очистки кистей. И что терпентин, продукт дорогой и не слишком известный широкой публике, используется в основном профессионалами, работающими в области строительства и отделки зданий.

У Франка появилось предчувствие, и он решил докопаться до сути и немедленно все проверить. Но его рабочий телефон зазвонил как раз в этот момент. Он снял трубку, долго разговаривал, кое-что записывая. Когда он закончил беседу, Николя спросил:

– Это был ветеринар, да?

Шарко кивнул. К его большому сожалению, коллега принял новое расследование очень близко к сердцу.

– Он целый день возился с трупами кошек, которые ему переслали. Что касается самых свежих: они были обескровлены, но без заметных разрезов. Я рассказал ему о пиявках, и, по его словам, такое возможно, имея в виду характер ран. Кошек высосали эти тварюшки.

– Почему он это делал? Для чего кормить пиявок?

– Это предстоит выяснить. Но самое интересное: ветеринар нашел две татуировки, которые еще можно разобрать, на двух самых свежих кошках. Обе они из Центра защиты животных в Женвилье. По его мнению, именно там Рамирес и отоваривался, а вовсе не на улицах: поймать бродячих кошек почти невозможно. А если нужны только черные, то еще труднее...

– А ведь он прав.

– Однако никто не отдаст десять черных кошек в одни и те же руки без минимального контроля со стороны Центра. Ветеринар утверждает, что если Рамирес действительно взял всех этих кошек в Центре в Женвилье, то там точно должен быть сообщник, который ему поспособствовал.

– Имеет смысл разобраться поближе. В худшем случае выясним даты, когда их отдавали, а это поможет понять, как действовал Рамирес. В лучшем – тот, кто снабжал его кошками, в курсе всех дел. Может, та девица в наручниках? Почему бы и нет?

– Я этим займусь, – бросил Шарко, – заеду туда завтра утром.

– Зацепка многообещающая. Я поеду с тобой.

Франк кивнул, ничего не сказав, но внутренне взбесился. Они с Люси попрощались с коллегой и не обменялись ни словом, пока не оказались в безопасности в салоне машины.

– Ты думаешь, что девушка в наручниках может работать в этом Центре защиты? – спросила Люси. – И что это она снабжала Рамиреса кошками?

– Завтра все выясним.

– Николя будет там. Как ты выкрутишься, если... если это она и если она вдруг узнает твой голос, например?

– Не знаю. А пока что надо заехать к Рамиресу, я должен проверить одну вещь.

Он хранил загадочность до самого прибытия. Зашел в дом и оглядел вещи, поднятые из подвала и сложенные грудой в гостиной. Потом достал дубликат ключей от фургона, найденный в одном из ящиков. Люси шла за ним, ничего не говоря и ничего не понимая.

Шарко открыл обе широкие задние двери фургона и залез внутрь. В луче его фонаря показались строительные инструменты, лопаты, ведра, рулоны и банки с краской, наваленные грудой под картой департамента Ивелин, покрывающей всю боковую стенку. С серьезным лицом Франк высветил канистры с терпентином и кучу тряпок, брошенных прямо на пол и пропитанных растворителем. Люси по-прежнему держалась сзади:

– Господи, Франк, мы тащимся сюда в девять вечера, ты ничего мне не говоришь и начинаешь рыться в фургоне. Может, объяснишь наконец, что происходит?

Франк вылез обратно с терпентином и тряпками, засунул все в свой багажник.

– На жертве из Йонны были следы терпентина, это черным по белому написано в токсикологическом отчете. Единственное место здесь, где имеется терпентин, – это фургончик. Иными словами, Рамирес использовал свою машину, чтобы перевезти нашего анонимного и живого парня в водонапорную башню, а там пытать его и прикончить.

– Но зачем ты забрал все это?

– Мне не хотелось бы, чтобы кто-то пришел к выводу, что именно Рамирес держал пленником и перевозил того типа. Каждый шаг, даже самый незначительный, который приближает команду к истине, представляет для нас угрозу. Лучше запутать следы.

Они отправились в обратный путь. Люси было холодно, и этот холод поселился внутри с той самой ночи. С каждым днем они все глубже увязали во лжи, и ей странным образом пришла в голову мысль о подводной лодке, погружающейся в черную пучину. А было ли у лжи, как у океана, песчаное дно, предел, дальше которого уже не пройти? Она молча съежилась. Выехав на Национальную 20, Франк взял ее руку движением, исполненным бесконечной нежности.

– Когда расследование завершится и все закончится, мне бы хотелось, чтобы ты кое-что для меня сделала.

– Что?

– Вышла за меня.

20

Николя любил смотреть на берега Сены в те моменты, когда большинство парижан глубоко спят. Ласковый свет фонарей на набережных, медленные струи воды в изножьях мостов, томная леность барж. Из окон их кабинета на набережной Орфевр, 36, открывался божественный вид, которым он мог насладиться только в поздние часы, когда Париж переводит дух. Оставшись один в их «опен спейс» и пустых коридорах, он чувствовал себя хорошо. Почти безмятежно.

Он подумал о деле, об истерзанных, замученных, оскверненных телах, вид которых он с трудом выдерживал в последние четыре дня. Сцена с дьяволами у Рамиреса. Какая связь существовала между жертвой из водонапорной башни и трупом в Лонжюмо? Скорее всего, они принадлежали к одной группе, «Pray Mev», но какой смысл в пытках? В чем состояло их преступление с точки зрения убийцы?

Он посмотрел на кальку, найденную в тайнике под люком. На первый взгляд, тринадцать точек были нанесены случайным образом. Но ни о какой случайности речи не было. Николя попытался мысленно соединить их линиями, представить себе рисунок, который за ними скрывался, как в картинках-загадках для малышей. Еще раз посмотрел на фотографию фрески, скрывавшейся за обоями, на тринадцать персонажей, на двух дьяволов, прислуживающих третьему, ненасытному. Попробовал наложить кальку на картину, но безрезультатно.

Погрузившись в размышления, он стал расхаживать по пустой комнате, его личной территории на протяжении стольких лет. Он знал в ней каждый закуток, стены говорили с ним, он помнил, кто какой постер повесил и почему. Подумать только, он ведь руководил этой командой, и не без успеха, а сегодня оказался простым номером два в группе. Да уж, блестящая карьера!

В приступе злости он подошел к столу Люси и взял рамку с фотографией близнецов. Как быстро они растут! Николя иногда жалел, что между ним и этой парой больше не было прежней близости, несмотря на крепкую дружбу в прошлом. Но постоянная зависть к ним стала невыносима. Несмотря на все, через что они прошли, Франк и Люси были счастливы.

Он поплелся к окну, заметил две тени: они шли по набережной, потом слились друг с другом у трепещущей воды и застыли, не шевелясь. После смерти Камиллы Николя ни разу не прикасался к женщине. Два года, господи, а он не способен перешагнуть и жить дальше. Наблюдая тайком за парочкой, он подумал о тех животных, которые остаются вместе сколько возможно, а переживший просто умирает, когда исчезает его партнер. В сущности, он походил на них. Без Камиллы он медленно догорал.

Минут через пять влюбленные поднялись по лестнице и исчезли в серо-черной темноте тротуара. Николя опустил взгляд на реку, снова оставшуюся в одиночестве, на перекрывавшие ее мосты, на лестницы, ведущие к набережным.

Вдруг в его глазах зажегся огонек.

Он кинулся к огромной карте Франции, скотчем прикрепленной к стене рядом с картой Парижа, и провел пальцем по бесконечному асфальтовому языку, связывающему Париж и Марсель: шоссе А6. Он отметил Лонжюмо, потом окрестности водонапорной башни, рядом с Жуани. Это бросалось в глаза, как нос посреди лица: оба убийства произошли всего в нескольких километрах от автострады. Меньше двадцати минут езды от съезда с А6 до места преступления. Вот это действительно точка соприкосновения.

Николя почувствовал, как по венам побежал адреналин, – возможно, он ухватил правильную ниточку. Заглянул в календарь, надеясь, что тридцать первое августа не выпадает на выходные. Бинго, понедельник! Согласно отчетам жандармов, около полуночи в последний день августа преступник совершил убийство в водонапорной башне.

А если в ту ночь он приехал и уехал по шоссе А6 после убийства? Дижонские жандармы, конечно же, упустили этот след, потому что одно-единственное убийство не давало поводов для такого предположения.

В понедельник тридцать первого августа, глубокой ночью, в Йонне... Не такое уж плотное там движение, на пропускном пункте номер восемнадцать, где от А6 отходит департаментская дорога D943, которая ведет в глубинку, – та самая, по которой они с Шарко и ехали, направляясь к водонапорной башне. Николя знал, что во избежание мошенничества, особенно так называемого паровозика – одна машина приклеивается к едущей впереди, чтобы не платить дорожный сбор, – дорожные компании как можно незаметнее фотографируют передние и задние номерные знаки автомобилей специальными камерами, расположенными на уровне шлагбаумов. Если передний знак не соответствует заднему во время одного цикла открывания шлагбаума, значит вторая машина смошенничала. В таких случаях компании сверялись с базой регистрации номеров, чтобы самим разобраться с нарушителем.

Систему установили не так давно, и, возможно, она-то и даст здоровенный пинок расследованию, которое пока что напоминало разворошенный муравейник. Имеет прямой смысл просмотреть снимки той ночи. Не исключено, что какая-то машина проезжала через пропускной пункт сначала в одном направлении, около одиннадцати вечера, а потом – в противоположном, после убийства.

Он заперся в туалете и достал швейцарский нож, кусочек срезанной соломинки и маленький пакетик с белым порошком. Лезвием ножа он нарисовал полоску кокса и втянул носом через соломинку. Повторил это дважды, чтобы подобрать последние миллиграммы, потом утер нос. Тщательно вытер край раковины и лезвие ножа.

Он пустился в путь, направляясь в Йонну и никого не предупредив. Хватит с него процедур, которые только все замедляли, а Маньен может идти в задницу.

Пропускные пункты никогда не закрывались, он найдет кого-нибудь, кто откроет дверь. Николя проехал по прямым и пустым бульварам столицы, выскочил на А6б в районе Жантйи, потом на саму А6, по которой неслись машины работающих ночью или неизвестно каких людей, возвращавшихся домой. Николя представил, что среди этих водителей мог быть убийца. Тип, который каждый день отправлялся на работу, смеялся с коллегами и, возможно, имел семью. Как убийцы Камиллы.

Еще два с половиной часа дороги плюс к тем, что он уже накрутил за день. Но он прекрасно себя чувствовал, впиваясь в асфальт, с тихо играющим радио и наркотиком, подстегивающим чувства. Кокаин не вызывал у него бреда, напротив, кристаллы обостряли мыслительные способности, они превращались во второй мозг, прекрасно функционирующий, который подсоединялся к первому, слишком усталому. Николя любил ночь, ее небытие, едва различимые намеки, фонари, чей оранжевый свет дробился на ветровом стекле, словно сеть нейронов. Ночь... Отныне это его территория. Великий театр неприкаянных душ.

В три тридцать пять, закутавшись в куртку – было не больше двенадцати градусов, – он припарковался у белесого бетонного куба справа от пропускного пункта в Сепо, напротив офиса автодорожной станции, где горел единственный огонек. Николя задумался: как можно работать в подобном месте, почти на асфальте, в вони выхлопных газов, без адреса? Тоска в чистом виде.

Он подошел и постучал. Ему открыл мужик с густыми поседевшими усами и глазами, похожими на шарики. Рубашка наперекосяк, волосы взъерошены, физиономия заспанная. Николя, без сомнения, оторвал его от увлекательного занятия.

– Чего? Опять шлагбаум не работает? Как же мне осточертело...

Николя прервал его, продемонстрировав карточку с триколором, и двинулся напролом, без прикрас и бумажек.

– Набережная Орфевр, 36. Я приехал посмотреть камеры наблюдения. Въезды и съезды с шоссе в ночь на тридцать первое августа.

Мужчина почесал макушку. Набережная Орфевр, не шутка... Без сомнения, он впервые столкнулся с подобной ситуацией и не знал, как реагировать.

– А почему бы вам не обратиться напрямую в Дижон? Они привычные, они как раз и собирают...

– Я понимаю, что вам хочется пойти досыпать и нет никакой радости торчать здесь и возиться всю ночь, а еще менее приятно, когда вам на голову сваливается коп. Просто посадите меня за компьютер, я разберусь сам.

– Я-то не против, но разве у вас не должна быть какая-то официальная бумага?

– Мы пойдем обратным ходом, дедуля. Сначала я посмотрю, и, если что-нибудь найду, в течение дня вы получите юридическое предписание от судьи. Мы часто так делаем, жаль терять время на писанину.

А главное, Николя прекрасно знал, что ни один судья не рискнет поверить в его измышления. Немного поколебавшись, служащий посторонился, и Николя зашел в помещение. Оказалось, дедок вполне готов сотрудничать. Он провел неожиданного гостя в скудно обставленный кабинет, где было только самое необходимое, и указал на компьютерное оборудование:

– Данные архивируются на сервере в Дижоне, но у меня есть доступ. Они хранятся месяц, потом стираются. Приди вы через неделю, и пиши пропало.

– Значит, мне повезло.

Мужчина объяснил, как подключиться, и даже принес кофе:

– Это моя жена варила, он вкусный, а в термосе остается всю ночь горячим. А что вы, собственно, ищете? Мошенничество отслеживается автоматически, но вряд ли вас это интересует, я думаю. Тогда что?

– Дьявол. Я ищу дьявола.

– Ага, ну, удачи. Говорят, дьявол кроется в мелочах.

Николя остался один перед экраном. Снимки архивировались в хронологическом порядке и по номерам подъездных путей. Пути 1 и 2 использовались для выезда, а 3 и 4 – для въезда на А6. Программа предусматривала все и позволяла просмотреть номерные знаки по различным критериям. Николя ввел свои параметры: пути 1 и 2, от двадцати одного часа до полуночи, пути 3 и 4, от полуночи до трех ночи. Он взял с запасом, но если убийца проезжал по А6, как предполагалось, то точно попадет в эти промежутки.

Программа заработала и выдала вердикт: две тысячи четыреста семь машин прошли через данный пункт в направлении от А6 к департаментской дороге между двадцатью одним часом и полуночью, но только сто девяносто восемь в обратном направлении между полуночью и тремя часами.

Господи...

Он начал с самого простого. Ему потребовалось около двух часов, чтобы пробежать первую серию фотографий и открыть сто девяносто восемь номерных знаков в таблице Excel. И поскольку ему не доставало мужества прогнать две тысячи четыреста семь снимков в обратном порядке, он уменьшил выбранный временной промежуток поиска: часы жертвы разбились в водонапорной башне в двадцать три пятьдесят, и он отобрал машины, проехавшие между половиной одиннадцатого и одиннадцатью с четвертью. Число их тут же сократилось до двухсот семидесяти пяти.

– Сейчас пять утра. Вы домой не собираетесь?

Мужчина протянул ему новый стаканчик, который Николя принял с усталой улыбкой.

– Ну да, домой. Эта комната, дорога, офис. Быть дома – значит быть там, где ты себя чувствуешь лучше всего, вы так не думаете?

– Ага, и мне бы сейчас лучше быть не здесь. Слушайте, у меня к вам маленькая просьба. Это... сюрприз для жены. Я не мог бы с вами сфотографироваться? Не каждый день встретишься с копом из Управления.

Николя расхохотался:

– Очень жаль, но... чем меньше светишься, тем лучше. И потом, вы же видите мою физиономию в пять утра? Все же передайте от меня привет жене. – Он поднял свой стаканчик. – И спасибо за кофе. Вы были правы, он вкусный.

Мужчина исчез. Николя даже не спросил его имени. Просто аноним, который ему помог и с которым они больше никогда не пересекутся. Он вернулся к своей кропотливой работе, убаюканный рокотом машин, грузовиков и мотоциклов. Периодически его глаза закрывались – кокс давно уже не действовал, но лучше не занюхивать еще дозу, – поэтому он вышел подышать и наполнить легкие порцией табака. Он слишком много курил, даже ночью. Но от чего-то ведь придется сдохнуть.

Он продолжил свои манипуляции до последнего номерного знака. Найдется ли хоть один, который встречается в обоих файлах? Хоть кто-нибудь въехал и съехал с автострады в ночь тридцать первого августа между половиной одиннадцатого и тремя часами ночи? С комом в горле, он нажал на клавишу, запускающую функцию, проводящую сравнение.

Разочарование. Не появился ни один номер. Это было бы слишком просто. Николя подключил свои последние нейроны, пытаясь рассуждать: возможно, убийца проехал по А6 до убийства, а потом из осторожности выбирал маленькие объездные дороги, чтобы вернуться к себе? Или наоборот? Он уже собирался отключить компьютер, когда решил попробовать последний вариант: поискать номера, которые съезжали с автострады на департаментскую дорогу, но чья регистрация не соответствовали департаменту Йонна. Может, убийца не проживал в департаменте с номером 89?²⁴

Поиск принес результаты. Из ста девяноста восьми изначальных номеров осталось только двадцать два. Он медленно просмотрел их. Следовало ли начать розыск по картотеке регистраций всех этих номеров? Вряд ли судья одобрит, да и смысла нет. Николя уже решил было плюнуть, но тут его взгляд остановился на одном из знаков в старом необычном формате: 6789 XG 91. Почему именно этот? Он не знал, но у него было ощущение, что он его уже видел – особенно последовательность цифр 6789, – причем совсем недавно.

Регистрация в Эсоне. Съехал с автострады в двадцать три четырнадцать. Жаль, что фотографии показывают только номерной знак, а не всю машину целиком.

Почти восемь часов. Жак и Паскаль точно уже на работе. Он позвонил первому, и тот ответил.

– Это Николя. Мне нужно пробить номерной знак.

– Ты что, с кровати свалился? И где ты?

– Потом объясню. Я тебе продиктую, это старый формат: 6789 XG 91.

– Я перезвоню.

– Погоди секунду. Пошли Паскаля вместо меня в Центр защиты животных с Шарко, я не смогу.

Он со вздохом выключил компьютер, встал у окна и с наслаждением отхлебнул кофе. Поток машин снова катился в обе стороны, и самая мощная его часть направлялась по шоссе А6 в сторону четырех стен его парижского бюро. Вскоре и он вольется в kloкочущую массу бамперов. Благо разумно придерживаясь своего ряда, как хороший солдатик.

Звонок мобильного.

– Слушаю тебя.

²⁴ Номер Йонны во французском реестре департаментов.

– Ты что, шутки шутишь? Знак, который ты мне продиктовал, он от грузовичка Жюльена Рамиреса.

21

Центр защиты животных в Женвилье, самый крупный во Франции, был зажат между железнодорожными рельсами с одной стороны и складскими строениями с другой. Прямо перед Шарко и Паскалем Робийяром простиралось длинное здание с широкими оконными проемами на втором этаже, по которому шла надпись крупными синими буквами: «Приют ЦЗЖ „Граммон“». А справа от них располагалось отгороженное сеткой пространство с загонами и клетками, которые уходили рядами на десятки метров. Запах шерсти и уныния. Собаки смотрели на них, свесив уши, со всей скорбью мира в глазах. А еще непрерывный лай, трагичный, как настоящий призыв о помощи. Франк не выносил страданий животных, как и трусов, которые бросали своих товарищей при первой серьезной проблеме или потому, что гостиница, куда они отправлялись в отпуск, не принимала собак.

Оба копа направились к регистратуре. Повсюду на стенах были фотографии кошек и собак с пометкой «Взят в семью» – явно предмет гордости. Франк нашел одного из служащих и сказал, что хотел бы поговорить с человеком, отвечавшим за передачу в частные руки двух кошек, татуировки которых он показал. Когда у него поинтересовались зачем, он предъявил полицейское удостоверение, не добавив ни слова.

Служащий застучал по клавиатуре компьютера.

– Сколько вас здесь работает? – спросил Робийяр.

– Тридцать человек в штате, два ветеринара и еще куча добровольцев. Вот, я нашел ответ. Вашими кошками занималась Джеральдина Топен. В это время вы найдете ее в квартале Милу. Маленькая блондинка лет тридцати. Она убирает клетки.

Блондинка... Это не вязалось с черными волосами, найденными в постели. Облегчение для Шарко, который поблагодарил работника. Копы углубились в ряды клеток.

– Квартал Милу. Нет, я сплю и вижу сны, – бросил Робийяр.

Квартал Идефикс, Ринтинтин... И Милу, наконец-то. Собаки волновались, просовывали нос сквозь прутья решеток, гордые претенденты на подиуме. Кокеры, лабрадоры, овчарки... Одни вставали на задние лапы, как цирковые животные, другие задирали заднюю лапу, чтобы произвести впечатление, и сердце Шарко невольно дрогнуло. Собаки всегда вносили радость в дом его молодости. Он любил их неколебимую верность.

Женщина, соответствующая описанию, выходила из одного из загон с ведром в одной руке, лопатой в другой и пластиковыми перчатками до локтей. Она подняла глаза на двух мужчин, одарила их тусклым «здрате» и направилась в соседнюю клетку. Они пошли следом. Робийяр забежал вперед:

– Мы не могли бы поговорить пару секундочек?

– А в чем дело? Я спешу и...

Когда он предъявил свое удостоверение, она повернулась спиной и отперла решетку, за которой лаял спаниель с бело-рыжей мордой. Она зашла, заперла за собой и с нежностью погладила животное.

– Опять эти истории с перепродажей, да?

Шарко подождал, пока она окажется лицом к нему, чтобы внимательно ее оглядеть. Грушевидное лицо, светлые волевые глаза. И нечто простодушное в том, как она обращается с собакой.

– Жюльен Рамирес, знаете такого?

– Нет, мне жаль. Никогда не слышала.

Коп открыл дверцу, в то время как его мускулистый напарник топтался сзади. Животное кинулось на него и наградило двумя здоровенными темными пятнами, испачкавшими низ

чистой рубашки. И все же Франк погладил его, он любил спаниелей, и молодой пес изошел любовью.

– Десять черных кошек, отданные одному и тому же лицу, может, это вам кое-что напомним?

– Десять? Ни за что на свете ничего подобного не сделала бы, если только имя этого лица не Брижит Бардо²⁵.

Паскаль сжал свою лапищу на ручке дверцы, но оставался по-прежнему снаружи, что мельком вызвало у Шарко смешок. Большая зверюга боялась маленькой...

– Послушайте, мы не просто так заехали, мадам. И время нас тоже поджимает. За несколько месяцев вы передали типу по имени Рамирес десять черных кошек. Сатанисту, который проводил кровавые ритуалы... Что вам о нем известно? Как именно вы познакомились?

– Сатанист? Ритуалы? Господи, что вы такое рассказываете? – Она поставила ведро. – Да, ко мне обращался несколько раз человек за черными кошками, два или три раза... Точно, три раза, думаю, но уж никак не десять!

Она казалась совершенно искренней, и Шарко вынужден был признать очевидное: стараясь не привлекать к себе внимания, Рамирес не обращался постоянно в один и тот же центр.

– И какие причины он приводил, чтобы взять подряд трех кошек?

– Она. Это была женщина.

Шарко отстранил собаку, оценив информацию, и бросил быстрый взгляд на коллегу.

– Расскажите мне о ней.

– Молодая, лет двадцать, на мой взгляд. Черные волосы и такая же косметика, черная помада, черные башмаки на толстенной подошве. Из готов, да. Говорила, что обожает черных кошек. Выглядела очень милой... Боже мой, жертвоприношения, вы говорите?

Шарко, нагнувшись, чтобы погладить собаку, которая опять пошла на приступ, начинал по-новому видеть ситуацию. Рамирес и девица, возможно, разделяли одни и те же бредовые идеи. Сатана, жертвоприношения. Он должен ее найти. И узнать, что она видела и слышала в ночь смерти Рамиреса. Коп продвигался по зыбучей трясине. Встретиться с девушкой во что бы то ни стало, пан или пропал. Как он поступит, если она что-то знает? Если она узнает его самого – или его голос? А еще Робийяр, который приклеился к нему как банный лист.

– Полагаю, она оставила вам свои координаты?

– Да, конечно. Удостоверение личности и выписка из домовой книги у нас обязательны.

Пять минут спустя копы получили имя и адрес: Мелани Мейер, Ванв.

Перед уходом Шарко наставил указательный палец на спаниеля:

– Этот пес... Я заеду за ним в конце дня. Я его забираю.

²⁵ Брижит Бардо известна как активистка движения в защиту животных. Содержит на своей вилле сотни питомцев.

22

Вернувшись с пропускного пункта, Николя плечом открыл дверь в их кабинет: в каждой руке у него было по стаканчику кофе. Он поставил их перед Люси и Жаком Леваллуа, которые висели на телефоне.

– Ты нашел то, что я просил, в его выписках из счета? – тихонько спросил он у Леваллуа. Тот утвердительно мотнул подбородком и наконец повесил трубку.

– Сначала две вещи. Во-первых, Маньен только что пришел и он в ярости из-за твоей ночной вылазки. Ты бы поосторожнее, ведь знаешь, он только и ждет любого повода, чтобы вцепиться тебе в глотку.

– Не те у него зубы. А во-вторых?

– Это звонили с проходной. Ги Демортье, баллистик, прибыл прямо за тобой. У него что-то важное для нас. Он поднимается.

Люси прислушалась. Баллистик? Почему он решил сам приехать? Что такого важного он хотел сообщить? Николя просматривал бумаги на столе коллеги:

– Ладно, скажи, что ты нарыл что-то конкретное.

– Нарыл.

Почувствовав, как взмокли ладони, Люси встала и подошла ближе. Двумя часами раньше Жак ввел ее в курс дела: просмотрев снимки с камер наблюдения, Николя обнаружил следы машины Рамиреса на пропускном пункте Сепо в ночь убийства в водонапорной башне. События набирали ход, и каждая новость, каждая поступившая информация была для Люси ударом ножа в живот.

Жак кивнул на банковские выписки.

– Я нашел интересное движение по счету тридцать первого августа и первого сентября, – заявил он. – Выплата была сделана с кредитки Рамиреса на пропускном пункте в Сепо. Сумма – шесть евро.

– Это соответствует въезду на А6 в районе Масси-Палезо, мы столько вчера заплатили с Франком. Значит, Рамирес ехал из дому, со стороны Лонжюмо... Что еще?

– У меня еще три интересные проплаты в ночь на первое сентября: одна в три часа двадцать одну минуту автодорожной компании, сумма – тридцать один евро сорок центов. Я проверил, это пропускной пункт в Шалон-сюр-Сон, а сумма соответствует оплате маршрута Гюржи – Шалон.

– Гюржи? Где это?

– Через Гюржи можно выехать на А6 приблизительно в тридцати километрах от Сепо. После этого еще одна сумма была снята в три часа пятьдесят минут на бензоколонке в Луане, маленьком городке километрах в сорока от Шалона.

Он вывел карту на монитор своего компьютера. В окрестностях города Луан – ничего, кроме деревенок и автострады А6 неподалеку. Совершив убийство, Рамирес уверенно двигался на юг.

– И последнее движение по счету – оплата на пропускном пункте в Масси, тоже первого сентября, в восемь тридцать одну, что соответствует стоимости обратного маршрута из Шалона.

Николя переварил в голове информацию и направился к огромной карте на стене:

– Так-так... Подводя итог тому, что ты рассказал: Рамирес выехал из дому тридцать первого августа вечером. На автостраду А6 он попал в районе Масси, съехав с нее в Сепо в двадцать три четырнадцать, чтобы пытать и убить свою жертву в водонапорной башне. Получается, жертва уже находилась в его грузовике, когда он уезжал из дому... Он хитер, раз после преступления решил не проезжать через тот же пункт: он делает крюк по полям и снова выби-

рается на А6 в Гюржи, чтобы запутать следы. Но он не возвращается на север, а направляется к Шалону, что в двухстах километрах к югу. Там он съезжает с шоссе и один-два часа остается где-то в тех местах...

Николя ткнул в отрезок шоссе у Шалона, потом повел указательным пальцем в сторону столицы:

– Дальше он возвращается к себе по А6, спокойно, поутру... Что ему нужно было в той дыре, в Луане?

– Может, жертва под пытками выдала ему какую-то информацию? – предположил Жак.

– Вот и я так думаю, да. И это требует немедленных действий.

Николя любил такие повороты в деле, когда начинают складываться первые кусочки пазла.

Баллистик Ги Демортье дважды постучал и зашел в помещение. Блестящий специалист, лет пятидесяти, он был одним из столпов баллистического отдела и отличался способностью в мгновение ока определять тип, дату изготовления и особенности оружия. В руке он держал скрученный рулон бумаг. Николя дружески кивнул ему, чтобы тот немного подождал, и закончил свой спич:

– Если Рамирес был убийцей из водонапорной башни, то кто убил Рамиреса? И как получилось, что из того же оружия? Означает ли это, что Джек использовал ствол самого Рамиреса, чтобы его же и прикончить?

С этими словами он пригласил баллистика подойти ближе.

– Вижу, вы говорите о пресловутом оружии, общем для двух убийств, и у вас с ним проблемы, что меня совсем не удивляет. У меня с ним тоже не складывается. Вернее, с боеприпасом.

Люси вернулась на свое место и села за компьютер. По спине струился холодный пот.

– Я со вчерашнего дня изучаю два отчета: тот, который составил я сам на основании пули, гильзы и выводов медэксперта относительно пороховых следов от выстрела, а также отчет жандармерии Дижона по делу тридцать первого августа. Я связался с их баллистиком, прежде чем пришел сюда поговорить с вами. Мы оба согласны: что-то здесь не то. Серьезная нестыковка.

23

Демортье протянул Николя два листка:

– Вот копии интересующих нас страниц. Я хотел переговорить с вами, потому что по телефону это трудно объяснить. Я постараюсь выразиться предельно ясно. Можно тут нарисовать в уголке доски?

– Давай...

Он взял фломастер и принялся чиркать. Жак присел на край своего стола, заинтригованный, Люси по-прежнему держалась в отдалении.

– Вот вид боеприпаса в разрезе. Грубо говоря, патрон состоит из пули, твердотопливного заряда, предназначенного для выброса пули, гильзы, в которую это все заключено, и запала, который поджигает порох после удара, производимого при нажатии на спусковой курок. Я могу подтвердить, что боеприпасы – пуля и гильза, – найденные в двух различных местах, действительно вылетели из оружия одного типа. Если говорить о происхождении, то есть о заводе, где были произведены данные боеприпасы, то мы выходим на нидерландского фабриканта. Это патроны марки «Люгер», а если точнее, «Sintox Action Luger». Разумеется, вы не думаете, что ваш убийца приобрел их непосредственно у производителя, нидерландские патроны можно найти в турецком оружии, закупленном в России и использованном ньюйоркцем в дебрях амазонских лесов... Следите за моей мыслью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.